

Загадочный Шекспир

Виктория
Балашова

16+

Портреты знаменитых персон

Виктория Балашова

Загадочный Шекспир

«Автор»

2020

Балашова В.

Загадочный Шекспир / В. Балашова — «Автор»,
2020 — (Портреты знаменитых персон)

Перу Уильяма Шекспира принадлежит множество всем известных пьес и сонетов. Но он ли является автором этих произведений? Существовал ли Шекспир на самом деле? В этой книге автор рассматривает большую часть теорий, касающихся данных вопросов, рассказывает о Шекспире и его окружении, делится с читателями интересными открытиями и подробностями. Книга написана легко и увлекательно; в бумажной версии уже снискала успех. Электронная версия дополнена многочисленными иллюстрациями, что позволяет лучше проникнуться эпохой Шекспира и сюжетами его произведений. Издание второе, измененное и дополненное.

© Балашова В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Стратфорд	9
Глава 1. Стратфорд-он-Эйвон	10
Глава 2. Родители Уильяма Шекспира	14
Глава 3. Рождение Уильяма. Братья и сестры	19
Глава 4. Образование	24
Глава 5. Женитьба	28
Глава 6. Бегство в Лондон	39
Часть вторая. В Лондоне	46
Глава 1. Лондон	47
Глава 2. Театральные подмостки	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Балашова

Загадочный Шекспир

*Между правильным и неправильным
существует некое пространство. Встретимся
там...*

(Руми, персидский поэт)

Каким

Бесславием покроюсь я в потомстве,

Пока не знает истины никто!

(«Гамлет, принц датский». У.Шекспир)

Предисловие

Каждая страна имеет символы, с которыми ассоциируется: памятники, национальные блюда, костюмы, и, конечно, книги и люди их написавшие. Великобритания – не то, что не исключение, – это страна, в которой символов, как нигде много. В списке людей-символов в первых строчках мы найдем имя Уильяма Шекспира, а среди книг – его знаменитые пьесы. Но не самый ли великий обман всех времен и народов представили нашему вниманию англичане? Не самую ли великую загадку сумели загадать? Загадку, в которой пытаются разобраться не одну сотню лет.

И если существует в Лондоне квартира, где якобы жили придуманные Конан Дойлем герои, то почему бы не существовать целому городу, в котором жил «придуманный» не совсем, правда, понятно кем, драматург? Стратфорд-он-Эйвон – одна из основных достопримечательностей Великобритании. Если Шекспира не было вовсе, то сколько же одуроченных туристов потратили деньги зря, добираясь до Стратфорда! Если не он сам писал свои сонеты и пьесы, то зачем все эти туристы приезжают в город, где родился и умер какой-то ничем ни примечательный лондонский актриска, каких не счесть в любой другой стране?

Загадка Шекспира, пожалуй, стоит в одном ряду с тайнами портрета Моны Лизы, вечными поисками Грааля и ушедшей под воду Атлантиды. Подобных секретов у человечества множество. Отсутствие фактов, весомых доказательств, в противовес сплетням и домыслам, заставляют людей без устали ломать голову над поразившими их теориями, какими бы безумными они не выглядели. Строятся гипотезы одна другой нелепее, все больше и больше удаляя нас от истины...

Личность Уильяма Шекспира для подобных измышлений предоставляет прекрасный, богатый материал. Точнее, предоставляет практически его полное отсутствие, что и ставится драматургу в вину. Куда понятнее, и тем менее интересная, фигура испанского драматурга, жившего практически в одно время с Шекспиром, – Лопе де Вега. Вот уж кто «наследил» в истории, так «наследил»! Его неоднократно судили, он ходил на корабле в составе знаменитой «Непобедимой армады», постоянно нарывался на скандалы, в основном связанные с его любовными приключениями. При этом был беден, как и положено творческому человеку. Лопе де Вега приписывается более тысячи пьес. И никого не смущает тот факт, что большая их часть утеряна.

Не в пример испанскому коллеге Шекспир редко хулиганил, в суд подавал исключительно на тех, кому давал в долг, влюблялся не часто и как-то без особых скандалов по этому поводу. Оба драматурга не имели хорошего образования, но именно англичанину сей факт не способен простить: мол, не мог он сочинить великие сонеты и пьесы, не имея за плечами приличного университета.

На страницах этой книги мы постараемся убедить читателя в том, что Шекспир все-таки не просто существовал, но и писал свои произведения. Насколько убедительными окажутся доводы? Учитывая мизерное количество имеющихся доказательств, скорее всего, останутся скептики, продолжающие считать Шекспира талантливой выдумкой английского народа. Ну что ж, хотя бы признаем, что легенда о Шекспире вполне соответствует по своему сюжету его не сходящим с театральных подмостков пьесам. Уильям Шекспир, как и прежде, главный герой захватывающей детективной истории, под стать тем, которые разгадывали Шерлок Холмс и Доктор Ватсон.

В конце двадцатого столетия Шекспира называли самым знаменитым британцем тысячелетия. То есть, был ли он, небыл ли – его имя навсегда останется символом Великобритании. Оно останется вписанным в великую историю Театра. И даже, проникнув за кулисы, мы, как Алиса, лишь окажемся в Зазеркалье, где «весь мир – театр», а «наша жизнь – игра».

Гораций утверждал: если вы хотите, чтобы ваша пьеса имела успех, то разделите ее на пять актов, не больше, не меньше. Итак, акт первый! На сцене – декорации маленького английского городка...

Примечание: все тексты, в сносках к которым не указана фамилия переводчика, переводились автором книги.

Портрет Уильяма Шекспира, использованный в книге «Драматические произведения Уильяма Шекспира» (Русский перевод), изданной в Москве, Россия в 1880 году.

Часть первая. Стратфорд

*Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло...
(«Гамлет, принц датский». У.Шекспир)*

Глава 1. Стратфорд-он-Эйвон

Городок Стратфорд-он-Эйвон и по сей день невелик. Приезжающие сюда туристы даже без карты могут с легкостью найти основные достопримечательности, все так или иначе связанные с именем Уильяма Шекспира. Это – дома драматурга и его близких, школа, где он, скорее всего, учился, театр, в котором идут его пьесы и который ежегодно проводит шекспировский фестиваль.

Название города состоит из двух частей. Стратфорд означает «дорога к форду», а Эйвон переводится как «река». «Река берет свое начало на поросшей травой возвышенности на востоке Англии близ деревни Нейзби и на протяжении миль с трудом заслуживает название Эйвон, которое можно было услышать по всей Кельтской Европе: the Avon или Aven в Британии, the Avenza в Италии и the Avona в Испании. Сначала Эйвон – это просто ручеек, а затем заросшая ивой речушка, но ниже старого города Уорвика его течение становится медленным и полноводным, разделяя графство Уорикшир в самом центре Англии».¹

Еще в первом веке на месте современного Стратфорда существовали поселения, понемногу разраставшиеся вблизи церкви Святой Троицы. После того, как местность очистили от густого Арденского леса, в районе начало развиваться сельское хозяйство, что привело к появлению еженедельного рынка. Король Ричард I в 1196 году выдал на то специальное разрешение. Тогда появились первые шесть улиц: три протянулись вдоль реки, еще три их пересекали. В новый городской план оказалась хорошо вписана старая римская дорога, которая и сегодня является одной из самых широких в Стратфорде.

К четырнадцатому веку Стратфорд стал настоящим центром торговли. Когда родился Шекспир, в середине шестнадцатого века, в городке насчитывалось около двух тысяч жителей. Конечно, это не сравнить с Лондоном, население которого по некоторым источникам достигало в тот же период трехсот пятидесяти тысяч человек и уступало по численности лишь Парижу и Константинополю.

Тем не менее, благодаря рынку и удачному месторасположению Стратфорд вовсе не считался захолустьем. Ведь географическое положение у города было крайне выгодным. Выше мы уже упомянули о том, что сначала возле реки Эйвон появился рынок. Рынки и позже оставались важным источником дохода для горожан: туда приезжали на еженедельные ярмарки фермеры и жители близлежащих городков. Кроме того, так как Стратфорд находился в самом центре Англии, через него проходили дороги из Лондона в другие части страны. Также путешественники активно пользовались мостом, который соединял берега реки и располагался в самом городе. Мост возвели при правлении Генриха VII как раз для упрощения перевозки товаров на рынок.

Что представлял собой тогда Стратфорд? Как многие города северной Европы он был застроен так называемыми фахверковыми домами. В подобных домах несущие наклонные балки видны с наружной стороны, а цвет домов чаще всего черно-белый. Это был городок с крепким управлением: горожан штрафовали за то, что их утки и поросята «прогуливались» по улицам; за телеги, оставленные возле ворот дома прямо на дороге, и перегородившие таким образом проезд; за то, что сдавали дешево кров приезжим. Приезжими частенько являлись задиристые ирландцы, устраивавшие драки с местными. Также не приветствовались нищие: просить подавание позволялось лишь при наличии разрешения от городских властей. Страшная напасть тех времен – чума – заставляла строго следить за содержанием города в чистоте.

В Стратфорд часто приезжали театры. Актерам платили по-разному, в зависимости от того, насколько талантливой считал труппу городской совет: кому-то один шиллинг, а кому-то

---

¹ Park Honan, Shakespeare. A life

и все девять. Прибывший незадолго до рождения Шекспира в город викарий привез с собой великолепную библиотеку, которой позже мог пользоваться будущий драматург. Гораций, Саллюстий, Вергилий, Эрасмус – произведения этих древнеримских авторов имелись далеко не у каждого англичанина.

Переход от католицизма в протестантство прошел в Стратфорде относительно спокойно. По крайней мере, никаких больших волнений там по этому поводу не происходило. Священники сменяли один другого, но горожане вели себя покладисто, хотя и с надеждой приветствовали восхождение на престол королевы Елизаветы: ее предшественница, Мария, в народе была печально знаменита расправами с инакомыслящими. Всю чехарду, связанную со сменой веры, затеял отец Марии и Елизаветы – Генрих VIII. После него недолгое время правил яркий протестант Эдуард, а затем королевой стала не менее яркая католичка Мария. Относительное затишье пришлось на длительное правление Елизаветы. При ней протестантская вера окончательно утвердилась в Англии. Отдельные восстания католиков на севере страны Стратфорда никак не коснулись.

Однако, стоит заметить, что католицизм не исчез в одно мгновение по мановению королевской руки. Многие семьи продолжали тайно проводить службы в своих домах, а из церквей не сразу исчезали атрибуты католической веры. Стратфорд не являлся исключением – внешне соблюдая новый закон, внутренне многие жители его не принимали. Известно, например, что семья матери Шекспира долгое время оставалась верной католицизму. А в самом Стратфорде, даже при Елизавете, какое-то время католические фрески покрывали стены церкви, и только в 1563 году ее избавили от «неправильного» декора. Изображение Страшного суда замазали краской, хоры и алтарь разобрали, витражи заменили обычными стеклянными панелями.

«Вместе со старой верой ушли погребальные службы, состоявшие из тридцати месс, псалом *De Profundis*, читавшийся над умирающим, святыни, ладан, свечи, все старые обряды, крайняя набожность и страдания, мессы. Количество церковных праздников сократилось с сотни до двадцати семи, а роль викария усилилась. Ранее роль католического священника никогда не зависела от его моральных качеств. Теперь викарий должен был быть достойным подражания, как проводник Божьей воли, и потому в каждом поселении глубокие изменения помогали воспитать новые черты характера и новое поведение человека». ²

Вокруг Стратфорда, принадлежавшего графству Уорикшир, рассыпались многочисленные замки, являвшиеся собственностью приближенных Елизаветы Тюдор. Оно и понятно: с одной стороны, близость к столице, с другой, красивейшая природа центральной Англии располагали к приятному времяпрепровождению. Самые знаменитые замки графства – Уорик и Кенилворт.

Уорик, конфискованный у Джона Дадли за попытку государственного переворота ³, некоторое время принадлежал английской короне. При Елизавете Тюдор семью Дадли восстановили в правах, и королева даровала замок сыну Джона Дадли, Амброузу, одновременно наградив его титулом графа Уорика. Судя по сохранившимся документам, графа в Стратфорде любили. В отличие от младшего брата, Роберта Дадли, Амброуз много времени проводил в своем графстве.

Кенилворт находился по соседству с Уориком. Этот замок известен как один из самых красивых в Англии, а также он знаменит самой длительной осадой в истории страны – взять его не могли целых шесть месяцев. Уорик пребывал в плачевном состоянии – на его восстановление у владельцев вечно не хватало то средств, то желаний. А вот Кенилворт постоянно переставался, ремонтировался и с годами становился все краше.

---

² Park Honan, Shakespeare. A life

³ Джон Дадли вместе со своими сыновьями пытался после смерти короля Эдуарда Шестого (сводного брата Елизаветы Тюдор) посадить на трон леди Джейн Грей.

Елизавета Тюдор даровала Кенилворт любимому фавориту, Роберту Дадли. Позже он получил титул графа Лейстерского – замок когда-то принадлежал Симону де Монфору, обладавшего тем же титулом. Пока Роберт Дадли был жив, королева несколько раз наносила визит в его замок. В ее честь устраивали охоту, танцы, фейерверки. Жители Стратфорда могли изда- лека любоваться всем этим великолепием.

Елизавета славилась привычкой путешествовать по стране, неожиданно «сваливаясь на голову» своим подданным. Она запросто останавливалась в домах зажиточных англичан, кото- рые, впрочем, не всегда имели аристократическое происхождение. Кто-то после подобных визитов выздоравливал от тяжелых болезней, кто-то умирал: такой стресс и нервное перена- пряжение не проходили даром. Но королева никогда не посещала Стратфорд, хотя жители не раз надеялись поприветствовать ее у себя в городе, ведь мимо проезжала она нередко. Тем не менее, всегда, когда Елизавета бывала в Кенилворте и Уорике, у них была возможность, пре- одолев небольшое расстояние, увидеть королеву.

***

Заканчивая главу, посвященную городу, в котором родился и умер Уильям Шекспир, нельзя не упомянуть несколько самых известных мест в Стратфорде, связанных с именем вели- кого драматурга. И даже если принять теорию о Шекспире, как о великой выдумке англичан, то посетить эти места будет интересно: жители Стратфорда тщательно воспроизвели в домах обстановку шестнадцатого века.

Итак, в первую очередь надо выделить дом, в котором родился Уильям. Его отец соеди- нил два рядом стоявших дома в один и, тем не менее, по нынешним меркам, он будет казаться маленьким. Настоящая обстановка дома не сохранилась, но экспонаты показывают типичную мебель и утварь того времени.

Достоверных сведений о посещении Шекспиром местной школы в документах не оста- лось. Но так как школа в городе существовала одна, то можно считать вполне справедливым предположение о том, что именно в ней он и учился. Здание школы сохранилось и до сих пор служит по своему прямому назначению.

Жена Шекспира, Анна Хэтуэй, являлась дочерью местного фермера. В миле от города находится дом середины пятнадцатого века, в котором она родилась. Сохранилась некоторая мебель, принадлежавшая Хэтуэям.

Так называемое «Новое место» – купленный Шекспиром в 1597 году дом – один из самых больших домов в Стратфорде того времени. Он не сохранился, но остался сад и соседнее зда- ние, принадлежавшее мужу внучки Шекспира.

Можно посетить и дом, в котором жила старшая дочь Шекспира, Сюзанна, со своим мужем. Так как муж Сюзанны работал врачом, в доме выставлены экспонаты, связанные с медициной шестнадцатого века.

В трех с половиной милях от Стратфорда расположен дом, в котором выросла Мэри Арден, мать Шекспира. Там она жила до замужества.

Знаменитый соломенный коттедж и сад в Shottery семьи Анны Хэтчэй (жены Уильяма Шекспира), недалеко от Стратфорда, Великобритания.

Глава 2. Родители Уильяма Шекспира

Почему-то считается, что происхождение Шекспира не соответствует его статусу одного из самых знаменитых драматургов мира – совсем оно неаристократическое. В своих пьесах Шекспир очень достоверно описывает жизнь особ королевской крови, представителей высших слоев общества. Некоторые сцены, якобы отражают случившиеся в реальной жизни истории, которые драматург-неуч просто-напросто не способен выдумать: подобный материал взять ему было неоткуда. А соответственно в авторы записывают различных графов, приближенных Ее Величества королевы Елизаветы.

Те, кто не признает авторства Шекспира, в основном упоминают «не соответствующую», слишком простую работу его отца, Джона Шекспира, и недотягивающее до некоей нормы образование самого Уильяма. Об образовании мы поговорим чуть позже. А вот о «перчаточнике» Джоне, его жене Мэри Арден и их предках расскажем прямо сейчас.

Итак, Ричард Шекспир (1490, по другим источникам 1513, – 1561), дедушка драматурга, жил в небольшой деревушке Снитерфилд, что расположена в графстве Уорикшир, примерно в четырех милях от Стратфорда. Ричард назывался «husbandman», то есть «фермер, занимающийся сельским хозяйством на арендованной земле». Судя по всему, он был весьма зажиточным и преуспевающим фермером. Арендовал Ричард восемьдесят акров земли. А это немало: примерно тридцать два гектара. Ричард, а в последствии и его сын женились не на ком-нибудь, а на дочерях местных аристократов.

Жена Ричарда, Абигайль Вебб (1515 – 1595), – бабушка Уильяма Шекспира. И вот если происхождение Ричарда остается довольно-таки туманным, то с предками Абигайль все куда очевиднее. Ее отец – сэр Джон Александр Вебб – родился в 1484 году и сумел послужить двум королям, Генриху VII и Генриху VIII. При Генрихе VIII сэр Джон Александр также являлся церемониймейстером при дворе последней жены короля. Титул «сэр», который Джон Вебб получил за верную рыцарскую службу, указывает на принадлежность его семьи к знати. Кроме титула, знатных людей королевства наделяли землей. Сэру Джону досталась земля неподалеку от Стратфорда в графстве Уорикшир...

Неудивительно, что семья Веббов познакомилась с семьей Арденов. Да-да, тех самых Арденов, у которых арендовал землю дед Уильяма Шекспира. В итоге сын сэра Джона Вебба женился на дочери Томаса Ардена, дочь Мэри – на сыне Томаса Роберте, дочь Абигайль выбрала в мужья арендатора Арденовских земель Ричарда Шекспира.

Дальше – больше: у Мэри и Роберта рождается дочь, которую, видимо в честь матери, назвали тоже Мэри. У Абигайль и Ричарда рождается сын Джон (будущий отец знаменитого драматурга). Мэри Арден впоследствии выйдет замуж за Джона Шекспира, то есть, за своего двоюродного брата по материнской линии. И прежде, чем перейти к родителям Шекспира, поведем об истории еще одной вышеупомянутой семьи.

Считается, что семья Арденов является одной из трех знатных английских семей, чью родословную можно проследить вплоть до Англо-Саксонских времен. Фамилия «Арден» произошла от названия Арденовского леса, вблизи которого семья с незапамятных времен имела обширные владения.

У Мэри Арден, матери Уильяма Шекспира, был троюродный брат. Его сын, Эдвард Арден, жил в фамильном замке недалеко от Стратфорда. Он являлся тайным католиком. В замке проводил службы католический священник, выдаваемый за садовника. Несмотря на близость Кенилворта, Эдвард Арден принципиально не общался с Робертом Дадли и не посещал его дома, даже когда там присутствовала королева. Такое поведение не прошло для дальнего родственника Шекспира даром: в 1583 году, когда Уильяму исполнилось девятнадцать лет, Эдварда казнили.

Ну и чтобы закончить эту часть истории, упомянем дочь Эдварда Ардена. Она вышла замуж за родственника Роберта Деврё, графа Эссекса, ставшего после смерти Дадли главным фаворитом Ее Величества королевы Елизаветы. Уильям Шекспир и дочь Эдварда были практически ровесниками и не исключено, что знали друг друга. В дальнейшем мы еще вернемся к их возможному знакомству, и быть может, именно родственные связи Уильяма Шекспира приоткроют завесу над причинами его «неравной» дружбы с некоторыми аристократами того времени, являвшихся к тому же приближенными королевы.

Но давайте продолжим рассказ о родителях Уильяма. Джон и Мэри были знакомы с детства. Мэри являлась младшей из восьми дочерей и унаследовала от отца Роберта Ардена дом и земельный надел после его смерти в 1556 году. Очевидно, что брак был уже не совсем неравным: тетушка Мэри, Абигаиль, успела «впустить» в семью фермера Шекспира. К тому же, поженились Джон и Мэри в 1557 году – то есть, после смерти Роберта Ардена. И даже если отец выступал против их брака, к тому моменту ему ничего бы не удалось с этим поделать.

Женился Джон Шекспир (1531 – 1601) в двадцать шесть лет и успел к тому моменту купить дом и завести собственное дело в Стратфорде, где сохранилось множество документов, заверенных его подписью. Позже и на эту тему размышляли те, кто считают фамилию «Шекспир» лишь псевдонимом некоего вельможи, – истинная фамилия «актеришки» Уильяма не точно воспроизводит общепринятое написание. Тут придется немного отвлечься от биографии Джона Шекспира и поразмышлять на тему произношения и написания слов в английском языке средних веков. Изначально слова писали со слуха. Написание и произношение не так отличались друг от друга как в современном языке. Но проходили века, и произношение все больше начинало отходить от классического написания. Четкие правила правописания тоже сформировались не сразу, а умевших писать, да к тому же грамотных людей было крайне мало. Поэтому встретить в документах можно разные способы написания фамилии: от различных вариаций, типа Shacksper или Shaxpere, до классического Shakespeare.

Итак, Джон Шекспир. Сначала, конечно, Джон помогал отцу-фермеру. Но затем, когда ему исполнилось двадцать, он переехал в Стратфорд, где начал торговать всем тем, что производил Ричард: шерстью, зерном и другой сельскохозяйственной продукцией. Почему же часто Джона называют перчаточником? Действительно, отец драматурга был мастером на все руки! Он не только продавал многочисленные товары. Талантом Джона также являлась обработка кожи. Из нее получались прекрасные перчатки для леди и кошельки – такого качества, что их, как горячие пирожки, у Джона раскупала знать.

Надо отметить и другой факт – грязную работу по обработке кожи обычно за мастеров делали ученики или наемные работники. Джон, скорее всего, тоже пользовался их услугами. Учитывая его многочисленные деловые интересы и немалую занятость в органах городского управления, подобное предположение более чем правдоподобно. Так что «перчаточника» Шекспира в наше время, видимо, называли бы куда более благородным словом «бизнесмен».

На этом таланты Джона не заканчиваются. Ко всему прочему он занимался еще и ростовщичеством (считается, что именно предоставление денег в долг в последствии привело отца Шекспира к финансовому краху). В общем, он не просто унаследовал коммерческие способности Ричарда Шекспира, но явно их приумножил. Отдельные записи, оставшиеся с тех пор, подтверждают: Джон не только давал деньги в долг (под процент повыше официально-установленного), покупал и сдавал в аренду дома. Среди судебных бумаг есть и та, в которой утверждается, что Джон был «броггером», то есть торговал шерстью без лицензии – торговля шерстью тогда контролировалась государством – а значит, нелегально.

В Стратфорде Джон сначала купил один дом, возле рынка. На следующий год к первому дому прибавился второй. Надо отметить, что в городе всего-то было около двухсот домов на почти две тысячи человек. И вот среди собственников появляется Джон Шекспир, удачливый

бизнесмен. К слову сказать, удачливый, но вряд ли грамотный: подписи на документах он ставил, рисуя циркуль, которым пользовался для вычерчивания выкройки перчатки.

Но все-таки, слово «неграмотный» не совсем корректно. Очевидно, Джон умел считать, и неплохо. Иначе, как бы он вел свои дела? Ладно торговать на рынке, но давать деньги займы под проценты? И так, считать он умел. Видимо, как и многие люди его социального статуса в Англии шестнадцатого века, Джон умел читать. Вот только до письма дело часто не доходило – это считалось «высоким искусством», доступным, да и просто-напросто необходимым, далеко не каждому. Действительно, зачем было учиться писать Джону? Впрочем, учитывая его деловую хватку, можно смело предположить – пришлось бы ему, как сыну, зарабатывать на жизнь написанием пьес для своего театра, научился бы и писать. Шутки шутками, но в этом есть доля истины: Джон умел прекрасно делать именно то, что приносило ему прибыль...

Надо отметить, деньги и деловые качества Джона сразу сделали его заметной фигурой в городе. Формально, по отцу, Джон Шекспир числился фермером – такие сведения, по крайней мере, зафиксированы в документах 1561 года. Подобное положение ставило его на ту ступеньку в общественной иерархии, на которой находился средний класс, в том числе люди, называвшиеся «Yeoman» (фермеры, либо владевшие землей, либо ее арендовавшие, имевшие право голосовать и избираться в состав суда). В Англии с давних времен подобная иерархия подразумевала четкое распределение обязанностей в обществе. Например, «Yeoman» обычно избирались на следующие должности: людей, бесплатно следивших за порядком в своем церковном приходе или графстве («констебль») и приставов-исполнителей. Нередко они становились членами городского совета по самоуправлению.

Дата назначения Джона констеблем точно не известна, однако сохранились сведения о его переизбрании на данную должность в 1559 году. Причем, переизбрали из четверых констеблей лишь его одного. К тому моменту Джон также выполнял важную функцию дегустатора эля. Ее доверяли не каждому: репутация Стратфорда в варении эля не подвергалась сомнению на протяжении многих лет. Задачей констебля тогда являлось поддержание общественного порядка, особенно следили за приезжими, которым не позволялось входить в город вооруженными. На этом основании справедливо полагают, что Джон Шекспир был крупным, сильным мужчиной, способным поддерживать порядок и проводить местные законы в жизнь.

В 1561 году умирает отец Джона, Ричард Шекспир. В том же году на время выборов Джона избирают казначеем. Пока его дела идут в гору, как на торговом, так и на общественном поприще. В 1565 году Джона избирают членом городского совета. Известно, что отец Уильяма даже после избрания отказывался от должности пристава-исполнителя, но в 1567-68 годах он послужил на этой должности, так как Совет принял решение штрафовать каждого, кто после избрания будет отказываться исполнять соответствующие обязанности.

Примерно в 1576-77 годах Джон перестает посещать заседания городского совета. С этого момента в его жизни наступил переломный момент, и поворот оказался далеко не в лучшую сторону. В документах отмечается, что Джон принимается закладывать наследство жены и не платит специальный налог на оружие, который взимался с каждого члена совета для защиты города. Дела Джона так и не поправились, и остается только предполагать почему.

Вернемся же к женитьбе Шекспира на Мэри Арден. В 1557 году Мэри переезжает к мужу в Стратфорд, где он тут же покупает очередной дом – на сей раз рядом с предыдущим – и объединяет два дома в один. Мэри Арденн (1540 – 1608) являлась представительницей древнего аристократического рода, к тому же унаследовавшая землю своего отца. Почему Роберт Арден сделал именно младшую дочь распорядительницей состояния и оставил ей землю и дом? Некоторые предположения касаются способностей Мэри вести хозяйство и ее неплохой уровень образования. Конечно, точно неизвестно умела ли она писать. Но остались документы, на которых она ставила свою подпись. Две заглавные буквы S и M написаны почерком и в такой манере, которую использовали секретари елизаветинской эпохи, и которую использовал при

письме ее сын Уильям. Буквы написаны без отрыва, одним движением пера, что тоже было характерно для письменной речи образованных людей того времени.

Видимо, Мэри умела считать и читать – так или иначе, но она стала отличной помощницей отцу в последние годы его жизни. Сыновьями он не обзавелся, а старшие дочери вышли замуж. Маргарет вышла замуж за одного из Веббов – брата своей мачехи (у них появился на свет сын), Джоана за Эдмунда Ламберта (у них тоже родился сын), которому впоследствии Джон Шекспир был вынужден заложить свою собственность. Агнесс вышла замуж за Джона Хейвинс, затем, овдовев за Томаса Стринджера (у них родилось два сына). Катерина вышла замуж за Томаса Эдкинса (в браке родился сын), а Елизавета за некоего Скарлет. Одна из дочерей, Джойс, умерла в 1557 году, видимо так и не успев найти себе мужа. Это перечисление, возможно, мало о чем скажет современному читателю. Но снова упомянем связи Уильяма Шекспира со своими родственниками со стороны матери – они были обширны и включали в себя не последних людей в графстве, большинство из которых считались преданными католической вере людьми и имевшими хорошие связи в обществе.

Мэри осталась для отца единственной опорой. Ведь мать Мэри Арден умерла, когда девочка была совсем мала. Отец женился во второй раз, причем на одной из представительниц семьи Вебб – Агнесс Вебб, упоминаемой в большинстве источников как Агнесс Хилл. Но Агнесс уже побывала замужем, и фамилия Хилл является фамилией ее первого мужа. Судя по всему, Роберт Арден второй жене не доверял. В любом случае, наследство досталось юной Мэри, которой к тому моменту не исполнилось и двадцати лет. Таким образом, Джон Шекспир взял в жены не просто девушку аристократического происхождения, обладавшую неплохим приданным, но еще и хорошую помощницу по хозяйству.

***

Тот, кто добрался до конца второй главы, спросит: ну и что нам доказывает родословная Уильяма Шекспира? Доказывает лишь одно – происхождение драматурга никак нельзя ставить ему в вину. У неграмотных родителей, бывает, рождаются дети, в будущем превосходящие предков и талантами, и уровнем грамотности. В случае с Уильямом Шекспиром мы видим: его происхождение вовсе не такое низкое, как обычно пытаются представить те, кто находятся в поисках «истинных» авторов его произведений. Чуть позже мы представим читателю некоторых, наиболее популярных претендентов на авторство шекспировских сонетов и пьес. Среди них вы не увидите простых людей – все сплошь аристократы. Авторство приписывали даже самой королеве Елизавете. Чем руководствовались и руководствуются авторы подобных теорий? В основном довод один: Шекспир не знал жизни знатных людей, не знал истории Англии, интриг двора настолько, чтобы с такой достоверностью описывать все это в своих пьесах. А ведь генеалогическое древо Уильяма Шекспира на самом деле выглядит вполне достойно: ничуть не хуже, чем у отдельных ярких представителей мира искусства середины-конца шестнадцатого века.

Что касается Ричарда и Джона Шекспиров, то они явно обладали незаурядным талантом деловых людей, будучи хваткими и совсем неглупыми людьми. Оба сумели жениться на девушках из аристократических семей, что тоже характеризует их не с самой плохой стороны. Уильям вполне мог общаться со своими аристократическими родственниками по женской линии. Их влияние нельзя недооценивать. И еще раз подчеркнем – нельзя недооценивать не только влияние незаурядных личностей, оставивших след в истории Англии, но и связи, знакомства, которые вряд ли канули в небытие, и которые вполне могли помочь молодому Уильяму обосноваться в Лондоне. А деловые качества по отцовской линии лишь удвоили шансы молодого человека на успех...

Важным моментом станет и вероисповедание родителей Уильяма, а также всех остальных родственников, особенно со стороны матери. Ревностные католики, с одной стороны, не были популярными фигурами при Елизавете Тюдор. В то же время, они сохраняли влияние в обществе, тесно общаясь друг с другом, помогая друг другу. Некоторые факты биографии Уильяма Шекспира становятся более понятными, если принять во внимание важный вопрос вероисповедания. Опять на минуту забежим на много лет вперед: недаром граф Эссекс, поднимавший восстание против Елизаветы, попросил театр, в котором совладельцем являлся Шекспир, поставить пьесу «Ричард III» в день восстания в качестве сигнала к его началу.

Но мы поторопились. До Лондона еще далеко. На сцене – все те же декорации маленького английского городка...

Глава 3. Рождение Уильяма. Братья и сестры

Прежде чем у Джона и Мэри родился сын Уильям, им пришлось пережить смерть двоих детей. Финансовые успехи никогда не ограждали человека от иных испытаний. Одним из самых страшных в те времена являлась чума. В Англии шестнадцатого века эта напасть, «Черная Смерть», настигала практически каждый город, унося жизни в семьях, независимо от их материального положения. «По современным стандартам уровень смерти среди детей в средние века был высок. Полагают, что 25% детей умирало в течение первого года жизни, еще 12,5% от года до четырех, и 6% от пяти до девяти лет».⁴

Так, в 1558 году первый ребенок Джона и Мэри умер именно от чумы. Дочку, которую нарекли Джоаной, успели окрестить в церкви Святой Троицы 15 сентября⁵. Примерно через два месяца Джоана умерла. Для Англии этот период тоже стал драматичным: 17 ноября 1558 года скончалась «Кровавая Мэри» – старшая дочь Генриха VIII, а на престол взошла протестантка Елизавета Тюдор. Началась эпоха, которую называют «Золотым веком Англии». Несмотря на многочисленные политические интриги, распри, разрывавшие Европу на части, упомянутые выше вспышки чумы, на это время выпало и немало славных событий. Более или менее мирное правление Елизаветы способствовало развитию искусства: процветала поэзия, становились все популярнее театры, путешествия в дальние страны позволяли людям знакомиться с культурой других народов. Но маленькой Джоане не суждено было прожить при новой королеве и месяца...

Вторая девочка в семье Шекспира родилась в конце 1562 года. Ее окрестили 2 декабря и нарекли именем Маргарита. Мэг умерла через год. Причины ее смерти остались для нас неизвестными, но так как в стране продолжала лютовать чума, можно предположить, что страшная болезнь унесла жизнь и второй дочери.

Третьим ребенком в семье Джона и Мэри стал Уильям. Он родился в 1564 году. Крестили сына Шекспира 26 апреля. Точная дата его рождения неизвестна, и по этому поводу существует масса предположений, чуть ли ни каждое из которых имеет право на существование.

Принятая биографами дата 23 апреля совпадает с датой смерти драматурга – не красивое ли совпадение? Версии по поводу точной даты рождения начали высказываться чуть ли не через столетие после смерти Шекспира. На могиле было написано одно: «умер в возрасте 53 лет» и дата смерти. Интересно, что не только дата рождения, но и дата смерти не является полностью достоверной: зафиксированным числом чаще всего была дата похорон. На могильной плите также писали возраст умершего, и это позволяло лишь точно определить год рождения. Но дотошные исследователи биографии Шекспира почему-то решили, что 23 апреля, день святого Георгия, будет удачным выбором.

Как же можно поточнее определить, когда все-таки родился Шекспир? Единственным достоверным документом является запись о крещении. В раннем средневековье родители обычно крестили младенцев на один из христианских праздников: на Пасху или на день Святой Троицы. Позже, к 12 веку крестили детей непосредственно в день их рождения. Ребенку давалось имя, часто в честь главного крестного. Всего крестных было трое: крестная мать и два крестных отца для мальчика, крестный отец и две крестных матери для девочки. Так как крещение происходило непосредственно в день рождения, мать оставалась дома. Но тому причиной было не только состояние ее здоровья, а традиция, согласно которой родившим женщинам не позволялось посещать церковь в течение нескольких недель после родов. Таким обра-

---

⁴ Nicholas Orme, *Childhood in Medieval England*

⁵ Даты рождения детей, включая Уильяма, точно неизвестны. Но записи о датах их крещения сохранились

зом, младенца в церковь нес отец. Его сопровождали крестные, родственники и друзья. После крещения вся компания возвращалась домой, чтобы отпраздновать великое событие.

К тому времени, когда родился Уильям Шекспир ситуация несколько изменилась. Католики крестили младенцев куда быстрее, чем это стали делать в англиканской церкви. «Например, в молитвенниках 1549 и 1552 годов было написано, что «Пасторы и викарии должны наставлять людей не откладывать крещение младенцев дальше, чем до ближайшего воскресенья или церковного праздника»... Подобным же образом в начале 17 века Уильям Гаудж⁶ советовал христианам: «не годится откладывать крещение более чем на восемь дней». Однако, и Гаудж, и более поздние молитвенники позволяли короткий отдых для матери и ребенка».⁷ В тех же молитвенниках делается оговорка: детей, если того требуют обстоятельства, можно крестить в любой другой день.

Позже интервал между рождением ребенка и крещением становился все больше. Порой в семьях крестили сразу несколько детей в один день – у старших разница могла доходить до нескольких лет. В чем же проблема? В наши дни подобные вещи – обычное явление. Но вспомним о том, что записывали тогда день крестин, а не день рождения. Таким образом, определить более или менее точно дату рождения становилось куда сложнее. Довольно-таки регулярно дату рождения стали записывать только с 18 века, как раз когда разница между датами стала сильно увеличиваться.

Во времена Шекспира, тем не менее, все еще крестили в течение недели после родов, в спешке, из-за уже упомянутого выше высокого уровня смертности среди младенцев. Если опираться на записи 17 и начала 18 века, когда стали появляться данные и о дате рождения, и о дате крещения, то видно, что большинство родителей старались крестить новорожденных через день-два после родов. «В то время были сделаны записи о крещении 266 детей⁸, из которых 62 крестили в день рождения, 88 на следующий день после рождения, а 63 через два дня. Это означает, что 213 детей крестили в течение двух дней после рождения – почти 80 процентов. 25 крестили на третий день, оставшиеся 28 – в течение последующих десяти дней».⁹ Правило крестить по воскресеньям и церковным праздникам часто нарушалось, как уже было упомянуто, из-за высокой смертности. К нему стали возвращаться в 18 и 19 веке, увеличивая интервал между днем рождения и днем крестин.

Прежде чем вернуться к обсуждению даты рождения Уильяма Шекспира, сделаем вывод из приведенных выше данных. Итак, в раннем средневековье детей старались крестить в день их рождения. Позже англиканская церковь сформулировала иные правила для своих прихожан, позволив матери и ребенку немного отдохнуть после родов. Тем не менее, вплоть до 18 века детей старались окрестить поскорее. Продолжалась практика крещения в день рождения. Интервал между датами обычно не превышал недели.

26 апреля 1564 года – это среда. Учитывая лютую чуму в Англии, священники вполне могли пойти навстречу уже потерявшим двоих детей родителям и окрестить новорожденного пораньше. Ведь когда бы он до 26 апреля ни родился, его крестины должны были бы попасть на 30 апреля – ближайшее воскресенье. В тот год чума пришла в Стратфорд в июле и к концу года унесла жизни двухсот человек. В конце апреля слухи о ее распространении, конечно, успели дойти до города. Кроме того, если вспомним о животрепещущей для многих жителей проблеме уничтожения любых признаков католической веры, то важно упомянуть, что буквально за год до рождения Уильяма в церкви окончательно распрощались с фресками, хорами и другими реликвиями. За работами следил никто иной, а Джон Шекспир. «Он испы-

⁶ Уильям Гаудж (William Gouge), 1575-1653, английский богослов

⁷ Stuart Basten, Birth-baptism intervals for family historians

⁸ Речь идет о данных, собранных в одном из английских поселений

⁹ Sally Brush, When were babies baptized? Some Welsh evidence

тывает судьбу», – шептались жители за его спиной. Да и сам Джон, воспитанный в семье католиков, вряд ли считал свое занятие богоугодным. Таким образом, причин окрестить младенца, пусть и в обновленной церкви, было много, а важных как минимум две.

Как видим, родиться Шекспир мог с равным успехом и 26, и 25, и 24 апреля. Остается широкий выбор, ограниченный 23 апреля, являвшийся воскресеньем и днем святого Георгия. Но если Шекспир действительно родился 23 апреля, то, принимая во внимание такое совпадение с воскресным днем и праздником, родители, скорее всего, крестили бы его в тот же день. Если бы драматург родился раньше, то крестины тем более пришлось бы на 23 число, а не позднее. Так что по большому счету установленная официально дата рождения кажется не очень правдоподобной.

Некоторые шекспироведы ратуют за другую дату – 22 апреля в связи с тем, что именно на этот день назначила свадьбу внучка Уильяма Шекспира, якобы в память о дате рождения бабушки. Но с таким же успехом можно предположить, что она не хотела праздновать свадьбу в день его смерти и именно потому не стала назначать ее на 23 апреля.

Кроме внешней привлекательности общепризнанной даты, существует у нее еще и высшее королевское «благословение»: обе королевы, Мария и Елизавета Тюдор, крестились именно на третий день после рождения. Но как мы видим из вышеприведенной статистики, такому правилу следовали далеко не все подданные королей. К тому же исследования показывают, что дата крещения зависела от нескольких факторов, включающих в себя, например, погодные условия (зимой крестили позже из-за удаленности многих домов от церкви) и статус семьи в обществе (более богатые семьи крестили позже из-за желания организовать пышное торжество по этому поводу).

Конечно, проведенный анализ фактически не предоставляет нам требуемой информации. Безусловно одно – точную дату рождения «угадать» практически невозможно. Большинство детей, рожденных до широкого распространения записей даты рождения, знали лишь дату крещения, которая являлась важным событием в жизни каждого человека. В середине 16 века по-прежнему дата рождения либо совпадала с датой крещения, либо отстояла от нее максимум на неделю. На том можно было бы и остановиться, не пытаясь придумать что-то иное. Красивое совпадение с датой смерти остается красивым совпадением...

***

Четвертый ребенок родился в семье Уильяма Шекспира в 1566 году. Гилберта окрестили 13 октября в той же церкви Святой Троицы, где крестили и предыдущих новорожденных. Этот сын не миновал общей участи – он с трудом пережил очередное нашествие чумы, заболел, но по счастливой случайности выжил.

Гилберт стал хорошим другом Уильяму. В детстве они вместе играли, позже пошли в одну и ту же школу. Когда дела Джона Шекспира пришли в упадок, Гилберт вместе с Уильямом были вынуждены прервать образование, чтобы помочь отцу. В Лондон братья уехали тоже вместе. Там Гилберт работал торговцем мужской одежды. Он поддерживал брата, но и его собственные дела шли хорошо: Гилберт поставлял ткани и одежду королевскому двору, а также занимался торговлей нитками и иглами. Он не женился, оставаясь всю жизнь холостяком. Как и знаменитый брат он вернулся к концу жизни в Стратфорд. Сохранился документ с подписью Гилберта, выведенной аккуратным почерком, что говорит о его образованности и умении писать. Умер Гилберт раньше Уильяма на четыре года, и был похоронен 3 февраля 1612 года.

Вскоре после Гилберта, в 1569 году на свет появилась Джоана. Сестру Уильяма нарекли в честь первой умершей дочери, что в те времена являлось обычным делом. В городских хрониках отмечается, что крестины дочери судебного пристава Джона Шекспира прошли 15 апреля

пышно, собрав большую толпу горожан. Уильям, которому вот-вот должно было исполниться пять лет, вел себя хорошо.¹⁰

За шляпника Уильяма Харта Джоана вышла замуж в 1599 году. У них родилось четыре ребенка, но двое умерли еще детьми. Муж Джоаны умер буквально за неделю до смерти Уильяма Шекспира, а сама Джоана дожила аж до 77 лет. Она упомянута в завещании драматурга, где он предоставляет ей право жить в доме их родителей. Сын Джоаны Уильям последовал по стопам дяди и стал актером. Он не женился и умер в возрасте 39 лет. Уильям также упомянут в завещании драматурга. У сына Томаса остались потомки, которые и считаются единственными потомками Уильяма Шекспира, дожившими до наших дней.

Сестра Уильяма Анна родилась в 1571 году. Ее крестили 28 сентября. Об Анне практически ничего не известно, потому что умерла она в 1579 году, как раз в то время, когда у ее отца возникли проблемы в делах. Скорее всего, как и первые две девочки, Анна умерла от чумы.

Позже в семье родилось еще два мальчика: Ричард и Эдмунд. Ричард родился в 1574 году. Его крестили 11 марта. О Ричарде известно немного, но не из-за ранней смерти. Он не был женат и, в то время как все его братья уехали в Лондон, Ричард единственный оставался в Стратфорде помогать своей семье, став совладельцем отцовского бизнеса. Так как дела отца в конце семидесятых заставили даже Уильяма и Гилберта забрать из школы, полагают, что Ричард не ходил туда вовсе. Умер Ричард через год после смерти Гилберта – похороны состоялись 4 февраля 1613 года.

И, наконец, Эдмунд – младший сын Джоана и Мэри. О, это очень интересная фигура! Еще чуть-чуть и переплюнет самого Уильяма. Конечно, это преувеличение – Эдмунд не оставил практически вообще никакого следа в истории, кроме одной красивой легенды, связанной с его смертью. Считается, что драматург очень любил младшего брата и потому, когда тот умер, устроил пышные похороны в одной из красивейших церквей Лондона, в Саутваркском соборе.

Впрочем, собором Спасская церковь стала именоваться только в 1905 году. До того церковь, расположенная на левом берегу Темзы, являлась приходской. До определенного момента (начиная примерно с 1106 года) она была августинианской, возведенной в честь Девы Марии. Считается, что эта церковь была первой готической церковью в Лондоне. Но после 1538 года, при короле Генрихе VIII, который начал проводить первые в стране реформы, касавшиеся церкви и вероисповедания, она стала называться Спасской. «Кровавая Мэри», дочь Генриха – Мария Тюдор, напротив, прославила церковь самым дурным образом, казнив в ней отрекшихся от католической веры священников.

Спасская церковь располагалась (и по сей день расположена) в Саутваркском районе Лондона, который является одним из старейших в городе. В 1587 году там появился первый театр «Роза», а затем и знаменитый «Глобус». В обоих работал Уильям Шекспир. Таким образом, сделали вывод, что похоронен в Спасской церкви никто иной, как младший брат драматурга.

Утром 31 декабря 1607 года на церемонию прощания с Эдмундом, якобы пришли все ведущие актеры, знакомые Уильяма. Из книги в книгу кочует цифра – двадцать шиллингов – уплаченная, опять же, якобы, Уильямом за организацию похорон. Действительно, немалые деньги по тем временам. Почему же решили, что похоронен там именно Эдмунд Шекспир? Какие доказательства существуют у исследователей? Ведь место захоронения точно неизвестно, а мемориальную плиту установили гораздо позже, уже после смерти драматурга.

Что точно зафиксировано в документах об Эдмунде? Как и у остальных детей Джоана и Мэри в Стратфорде в церкви Святой Троицы отметили дату крестин: 3 мая 1580 года. На тот момент Мэри исполнилось сорок, а Джону – сорок девять. Наверное, самый младший сын, рожденный довольно-таки поздно, пользовался к себе особым отношением. Наверное, на него возлагались особые надежды. Наверное, Эдмунд, действительно с благоговением смотрел на

---

¹⁰ Robert Bearman, from the archives of Shakespeare Birthplace Trust

старшего брата, которому к моменту рождения младшего уже исполнилось шестнадцать лет. А соответственно, когда Эдмунд чуть повзрослел, Уильям успел удрать в Лондон и начать делать успешную карьеру. Так или иначе, а вслед за старшим и младший брат поехал в столицу.

Скорее всего, Эдмунд в самом деле с помощью брата начал играть в театре. Каких-то больших успехов он не достиг, либо просто-напросто в театре и вовсе не играл. Свидетельств никаких тому нет. Однако, интересной является параллель, которую многие проводят между незаконнорожденным сыном графа Глостера из «Короля Лира» Шекспира и его же собственным младшим братом.

*В желаньи страстном жить,
Хочу пред смертью я добро содеять,
Пусть вопреки моей природе...¹¹*

Написана пьеса в 1605-1606 годах, а умер Эдмунд в конце 1607 года. Вполне вероятно, что, как и Гамлет, прообразом которого явился сын драматурга, Эдмунд стал прообразом внебрачного сына Глостера. Если так, то характер младшего брата предстает перед нами в образе, хоть и вызывающем сочувствие, но вовсе не идеальном...

Чем бы ни занимался Эдмунд в Лондоне, вскоре после приезда он умер. Первое на что обращают внимание в связи с его похоронами – запись в церковных книгах. Некоторые полагают, так же как и мемориальная плита, запись была сделана позже – грубо говоря, была подделана, приписана. Но в данном случае, пожалуй, не следует впадать в другую крайность и видеть во всем ложь и подделку. Другой довод против – написание имени «Эдмунд», как «Эдмонд» – через «о». Мы упоминали выше различия в написании имен и фамилий в те времена, поэтому одна неверно написанная буква в имени тоже не дает права сомневаться в его истинном звучании. К тому же фамилия «Шекспир» не была такой уж распространенной, тем более в Лондоне. Скорее, можно ориентироваться на нее.

Второе – отсутствие записи о похоронах в Стратфорде. У остальных детей Джона и Мэри подобная запись существует. Да, кто-то из них из Стратфорда и не уезжал, а остальные туда в последние годы жизни из Лондона вернулись. Это лишний раз подтверждает – раз отсутствует запись в Стратфорде, совпадает с именем и фамилией запись в Лондоне, к тому же в церкви, расположенной в непосредственной близости с театром, совладельцем которого был Уильям Шекспир, то видимо в столице 31 декабря 1607 года действительно похоронили младшего брата драматурга. А если это так, то очевидно, что оплатил похороны никто иной, как Уильям, ставший к тому моменту весьма зажиточным человеком...

Может возникнуть закономерный вопрос – а важно ли доказать факт похорон Эдмунда? Мы подойдем к описанию жизни драматурга в Лондоне и причинах его возвращения в Стратфорд позже. И именно тогда станет важно уяснить, почему успешный актер, совладелец театра, автор популярных пьес бросил все и вернулся на родину, где и обрел свой последний приют. Те, кто пытается приписать различным графам авторство шекспировских пьес и сонетов, ищут совпадения в датах. Очередной граф – претендент на авторство – умер, и Шекспиру ничего не оставалось, как удалиться со сцены. «Диктовать» пьесы более было некому. Что же говорят сторонники иной теории? Они говорят о свалившихся на долю драматурга напастях, среди которых смерть сына и смерть младшего брата. Лондон перестал радовать. А свои творческие успехи Шекспир никогда и не оценивал как выдающиеся. Оставалось вернуться назад, к истокам, к тому, от чего он так пытался убежать...

---

¹¹ Король Лир, Сцена третья

Глава 4. Образование

Не рассказать об образовании Уильяма Шекспира нельзя. Если человек вообще не умел ни читать, ни писать, то конечно и речи не идет о том, чтобы начать сочинять пьесы. А так как в списках Стратфордской школы Уильям Шекспир не значился, то вывод по этому поводу некоторые делают неутешительный.

***

В раннем средневековье образованных людей в Англии насчитывалось крайне малое количество. В основном это были священники, те, кто жил в монастырях и при церкви. Но с развитием торговли в городах стали появляться так называемые Grammar school – школы латинской грамматики. Куда бы ни приезжал англичанин, с кем бы ему не приходилось общаться в родной стране – испанцами, голландцами, французами и так далее – он мог изъясняться на латыни с представителем любой национальности. Интересный факт: большое количество школ латинской грамматики существует до сих пор. Да, они видоизменились по своей структуре и методам образования, но, развиваясь и меняясь те средневековые школы живы по сей день.

Обучение в школе длилось световой день: то есть зимой дети учились гораздо меньше чем, например, летом, несмотря на то что зимой школьники приносили с собой свечи. Днем делался двухчасовой перерыв на обед. В основном учеников заставляли учить наизусть длинные тексты на латыни. Для большего стимулирования памяти активно применялись телесные наказания. Даже между собой ученики должны были говорить на латыни. Прежде чем учить тексты наизусть они изучали грамматику по учебнику, составленному Уильямом Лили.¹² Этот учебник знал каждый ребенок, обучавшийся в школе латинской грамматики во времена Шекспира.

Девочек в школы отправляли крайне редко. Представительниц низших классов не обучали вовсе. Знать своим отпрыскам женского пола нанимала учителей для домашнего обучения, либо отправляла для проживания и обучения в дома других знатных семей, либо посылала учиться за границу. «Девочек из аристократических семей обучали иностранным языкам, религии, музыке и вышиванию в родном доме или доме представителя иного знатного семейства. Все больше женщин обучали чтению; однако, крайне редко их обучали письму».¹³ Семьи, бравшие на воспитание чужих детей, могли не иметь собственных чад и потому оказывали помощь в обучении и в дальнейшем продвижении в обществе детям из других родственных или дружеских семей. Например, сестра Роберта Дадли, графа Лейстера не обзавелась собственными детьми и брала на воспитание девочек, после подыскивая им подходящего мужа. А лорд Берли (главный советчик Елизаветы Тюдор) имел сына и брал в семью мальчиков, которые после домашнего обучения поступали в Оксфорд.

За обучение в школах приходилось платить, поэтому не каждый фермер или торговец мог себе позволить опрывать ребенка в учебное заведение. В больших семьях старшие дети в какой-то момент в любом случае вынуждены были бросать школу, чтобы помогать родителям. Девочки часто вообще не знали грамоты, так как оставались дома помогать матери по хозяйству и следить за маленькими детьми.

Крестьяне не могли запросто отправить ребенка в школу: для этого требовалось разрешение от владельца поместья, на которого они работали. Кроме получения разрешения, требо-

---

¹² William Lily (1468 – 1522), учитель, филолог, директор школы в Лондоне

¹³ Tim Lambert, London in the Middle Ages

валось уплачивать лорду некую сумму денег. Впоследствии, обученные в школе молодые люди имели возможность работать секретарями, ведя записи в приходе или в суде, и даже управлять поместьем лорда.

Некоторых продолжали обучать в монастырях. Но такой случай выпадал лишь отпрыскам знатных семей. Согласно установившейся в раннем Средневековье практике обычно в монастыри отправляли младших детей. «Со временем монастыри начали открывать школы и для тех, кто видел свое предназначение в жизни светской. Для младших студентов обучение началось с чтения и письма, затем начинался «Тривиум» – цикл из трех дисциплин: грамматики, риторики и логики. Когда студенты становились старше, они изучали предметы из «Квадри-виума»: арифметика, геометрия, астрономия и музыка». ¹⁴

В школе латинской грамматики в первую очередь, как уже было упомянуто, учили наизусть большие куски на латыни, составляли предложения на латинском, переводили с английского на латинский и с латинского на английский. Арифметику и письмо преподавали по случаю, не концентрируя на них особенного внимания. Нередко эти дисциплины преподавали учителя, путешествовавшие по стране, из школы в школу. Поэтому регулярно ничего кроме латыни ученики не изучали. Зато, заканчивая в среднем к четырнадцати годам школу, они прекрасно знали великих авторов, писавших на латыни пьесы и риторику. «Во время правления Елизаветы уровень грамотности, или умение читать и писать, вырос значительно». ¹⁵ Даже представители рабочего класса порой имели возможность отправить хотя бы на пару лет своих детей учиться, благодаря чему те получали основы чтения и письма на английском языке.

Закончив в четырнадцать лет школу в «золотую» эпоху правления Елизаветы Тюдор, дети начинали работать или отправлялись продолжать учебу в университет. Уильям Шекспир подобного обучения получить не смог из-за финансовых трудностей в семье.

Что представляла собой Стратфордская школа латинской грамматики? В первую очередь стоит сказать, что школа эта имеет очень долгую историю. Она была образована Гильдией Креста Господня, который основал Роберт Стратфорд в 1269 году. Кроме всего прочего Гильдия заботилась и об образовании прихожан местной церкви Святой Троицы. В 1295 году появилась первая запись, которая предоставляет нашему вниманию имя преподавателя латинской грамматики: некий Ричард, скорее всего являвшийся священником.

По сей день используется помещение, возведенное в 1427 году – самое старое в стране школьное здание. Сохранились счета, показывающие, что постройка стоила десять фунтов, а материал для строительства сорок пять шиллингов. Священник, проводивший занятия в школе, получал примерно десять фунтов в год. ¹⁶ (Если вспомнить сумму, потраченную Уильямом на похороны брата Эдмунда – двадцать шиллингов – то понятно, что это чуть больше, чем зарплата учителя за месяц). Один из учителей школы стал министром во время правления Генриха VII и основал колледж в Оксфорде.

Гильдия Креста Господня просуществовала до 1547 года, когда началось всеобщее уничтожение любых институтов, так или иначе связанных с католицизмом. К 1533 году все имущество Гильдии, включая школьное здание, перешло к городу, а точнее к новому органу его управления. Школу назвали «Новая королевская школа Стратфорда-он-Эйвон». Школе предоставили большую комнату, а старое здание стало резиденцией школьного учителя.

---

¹⁴ Melissa Snel. The Medieval Child

¹⁵ World History in Context. Daily life in the Elizabethan Era

¹⁶ 1 фунт равнялся примерно двадцати шиллингам

***

Почему же, при том, что скорее всего иного выбора, кроме как ходить в Стратфордскую грамматическую школу у Уильяма Шекспира просто не существовало, не нашли записи его фамилии в школьных документах? Ответов может быть два (хотя всегда имеется в запасе некий третий ответ, о котором мы и не догадываемся). Первое, Уильям просто-напросто, действительно, как и утверждают «антишекспировцы» либо не являлся тем самым Шекспиром, который играл в лондонских театрах, чье имя стоит на сонетах и пьесах, либо был неучем из Стратфорда, игравшим в театрах, но уж точно не писавшим сонеты и пьесы. Второе, Уильям есть Уильям Шекспир, а его данные не занесены в школьные списки по совершенно очевидной причине: записывали не всех подряд, причем записи порой не хранили, не осознавая их важности для грядущих поколений.

Только в 1862 году, когда школы начали получать финансовую помощь от государства, они стали заинтересованы в фиксировании точного количества учеников, начав скрупулезно записывать имена, фамилии, адреса, даты рождения и данные родителей. «Проблема в том, что не так много школ сохранили эти записи – рьяному специалисту по генеалогии в подобное трудно поверить, но не все считают 120-летние школьные записи ценными и стоящими того, чтобы их хранить».¹⁷

Порой не хранились или вовсе не делались записи об учителях, преподававших в школах. Если учитель был один и работал в школе постоянно, то скорее всего его фамилию можно найти в каких-то школьных документах. Но если преподавателя нанимали на временную работу, то особенно о фиксировании его данных не заботились, а уж тем более не заботились об их сохранении.

Таким образом, в средние века вплоть до конца семнадцатого века в принципе мало кого интересовали записи подобного рода. Никакого строгого учета не велось, никто не обязан был это делать. Здесь можно провести параллель с записями дат рождения. Да, чаще всего, дату крещения фиксировали в церковных записях, а вот до остального руки уже не доходили. В целом ситуация с разного рода документами, видимо, была одинаковой во всех сферах.

Современные школы в Великобритании, конечно, ведут жесткий контроль документации. Тем не менее, только записи, сделанные после 1975 года, подпадают под действие закона о ведении и хранении школьной документации. Да и по нему хранить записи школы обязаны не менее шестидесяти лет (правило распространяется не на все документы: существует разделение на «временные» записи и «постоянные»; для временных срок не менее пяти лет). Почему же мы требуем от Стратфордской грамматической школы быть более строгой в учете своих учеников, чем требует английское современное законодательство от образовательных учреждений в наши дни?

Уильям был старшим из выживших после родов детей. Финансовые трудности его отца начались в 1577-78 годах, когда Уильяму исполнилось тринадцать лет. Так как Джон Шекспир был активным членом городского совета Стратфорда и выполнял ряд общественно-важных обязанностей в городе, он имел право на бесплатное обучение своих детей в школе. В январе 1578 года Джон перестает вносить необходимую сумму, как член совета и перестает появляться на его заседаниях. Успев научиться чтению, письму и выучив наизусть изрядное количество классических латинских текстов, Уильям в четырнадцать лет, как и большинство английских детей, закончил обучение в школе латинской грамматики. Его брату, Гилберту, исполнилось на тот момент двенадцать. Оба брата, видимо, закончили обучение одновременно и начали помогать отцу зарабатывать деньги.

---

¹⁷ Chris Nickson, Searching Education Records

Уильяму повезло больше, чем остальным братьям и сестрам. Он получил считавшееся в 16 веке полноценным образование, а опыт игры на театральной сцене позже поможет ему дальше совершенствовать собственные способности, как поэта и драматурга. В одной из пьес Шекспир даже цитирует строчки из знаменитого учебника Уильяма Лили. Не обучаясь в школе, он не знал бы того, что входило в ее обязательную программу. Однако, и этот факт порой трактуется несколько странно: он лишний раз доказывает – автором пьес был куда более образованный человек из высшего общества. Но мы видим, учебник Лили изучался чуть ли не всеми, кто посещал школу латинской грамматики в эпоху правления Тюдоров. Соответственно, ничего не мешало проводить определенные аллюзии самому Шекспиру. Университетского образования для этого явно не требовалось.

Историческое здание школы короля Эдуарда VI. Считается, что в ней учился Уильям Шекспир. Стратфорд.

Глава 5. Женитьба

Итак, покинув школу в четырнадцать лет и не имея возможности продолжать обучение, Уильям начал помогать отцу. А в восемнадцать лет в ноябре месяце 1582 года он женился на Анне Хэтуэй, которой исполнилось двадцать шесть лет. Так как никаких точных сведений о событиях, происходивших в семье Шекспира с 1578 по 1582 год, не сохранилось (кроме того, что у Джона Шекспира никак не получалось вылезти из финансовых затруднений), то имеет смысл, хотя бы вкратце, рассказать о делах, вершившихся в Англии. И после, конечно, вернуться к тому моменту, когда Уильям стал женатым человеком.

Историческая справка

Взошедшей в 1558 году на престол Елизавете Тюдор в 1578 году исполнилось сорок пять лет. Она упорно не выходила замуж и правила страной единолично. У королевы был фаворит, граф Лейстер, которому она даровала замок Кенилворт в Уорикшире. В 1575 году одиннадцатилетний Уильям вполне мог запомнить грандиозный праздник, который устроил граф в честь прибытия королевы. Жители Стратфорда явно вспоминали о нем даже годы спустя, а в документах городского совета есть несколько записей, посвященных этому визиту.

Королева Англии Елизавета I (1533-1603).

Размах, с которым Роберт Дадли подготовился к приему Елизаветы, удивил бы и современную публику. Отличалось ли убранство тонким вкусом сказать сложно, тем не менее, оно вполне удовлетворяло самым взыскательным запросам знати. Через долину к главным воротам замка перекинули временный мост длиной семьдесят футов (это чуть больше двадцати метров). Вдоль моста у поддерживающих его колонн стояли статуи, изображавшие семь греческих богов, державших клетки с большими птицами, золотые блюда с фруктами, зерном, рыбой, бокалы с вином, различные музыкальные инструменты. А в конце моста стоял поэт, декламировавший на латыни стихи, объяснявшие значение выставленных даров.

В чреве «дельфина» длиной двадцать четыре фута находился целый оркестр. Весь воскресный вечер был посвящен музыке и танцам. Над озером и над самим замком вспыхивали фейерверки, которые наверняка могли наблюдать в Стратфорде. Давали спектакли, акробат показывал свои трюки, на всеобщее обозрение было выставлено тринадцать медведей. Гости три раза выезжали на охоту. Граждане города Ковентри показали шуточный бой, который они организовывали ежегодно, в честь победы над датчанами. Развлекали королеву девятнадцать дней, и она осталась чрезвычайно довольной приемом, устроенным в ее честь фаворитом.

Те годы текли относительно спокойно, невзирая на постоянные волнения в Ирландии, неровные отношения с Испанией и Францией. «Здесь дома мы живем в безопасности так, как привыкли, и наше спокойствие основывается на бедах других», – писал сэр Уолсингем сэру Сидни в середине 1576 года, под бедами других, подразумевая, например, религиозные распри во Франции и противодействие голландцев испанцам.¹⁸

Ирландия оставалась тем местом, которое обходилось Елизавете дорого во всех отношениях: в боях гибли англичане, неиссякаемым потоком туда отправлялись деньги из казны. Приходилось постоянно содержать во всех частях Ирландии, как более, так и менее подвластных королеве, большую армию. Иначе, удерживать кое-как установленную власть не удавалось. Кроме того, вокруг всех, кто находился в Ирландии на высоких постах, вечно плелись интриги. Елизавета часто устраивала дознания, касавшихся служивших ей там подданных, урезала довольствие и жалование.

Ярким примером подобного отношения служит Уолтер Деврë, граф Эссекс (отец несчастного Роберта Эссекса, просившего при помощи спектакля по пьесе Шекспира «Ричард III», подать сигнал к восстанию против Елизаветы). Уолтер Деврë умер в сентябре 1576 года от дизентерии, в Ирландии. Но до того он успел там отличиться, наводя порядки. Какими уж методами, пожалуй, обсуждать не будем. Однако, успеха он добился. Тем не менее, вечные интриги двора изматывали графа. А необходимость самостоятельно оплачивать расходы по пребыванию в мятежной Ирландии сделала его должником. Тяжелое финансовое положение и подорванный моральный дух ослабили Эссекса, окончательно подорвав его силы.

Ходили слухи, что Уолтера Деврë отравили, причем никто иной, как граф Лейстер. Ведь любвеобильный фаворит королевы вскоре женился на вдове Эссекса. При дворе Роберта Дадли считали способным на любую гнусность, его недолюбливали и пытались очернить любым способом. Но в который раз Лейстер вышел сухим из воды: в Ирландии провели дотошное расследование, итогом стал вердикт, полностью оправдывавший фаворита.

Никакие наговоры не могли изменить те чувства, которые питала к Лейстеру королева. В июне 1577 года она благодарит графиню Шрузбери за оказанный Дадли прием: «... мы хотели бы дать вам знать, насколько благодарны, потому что считаем, что оказали честь не ему, а нам...»¹⁹

---

¹⁸ Memoire of the court of Queen Elizabeth

¹⁹ Там же

Естественно, в стране продолжались гонения на католиков, по-прежнему представлявших ощутимую угрозу английскому трону. Католическую «партию» тайно поддерживали испанцы, отправляя в страну как материальную помощь, так и священников, которые проводили тайные службы для тех, кто в душе не принял новую веру. Елизавета прекрасно понимала, что кроме благородной цели помочь братьям по вере, эти тайные собрания имели главной задачей свержение ее власти.

Охота на «ведьм» как мужского, так и женского пола не утихала. Время от времени в домах католических священников находили, например, восковые фигурки королевы и другие предметы культа, при помощи которых католики хотели нанести вред жизни и здоровью Елизаветы. В воспоминаниях того времени упоминается сильнейшая зубная боль, которой страдала королева, что также приписывали воздействию оккультных ритуалов.

В 1577 году произошел разрыв с Испанией, потому что Елизавете пришлось вмешаться в конфликт испанцев с Нидерландами, которые пытались найти себе покровителей везде, где могли. В покровители в том числе навязывались и французы, одновременно искавшие альянса с англичанами. В итоге в Англию весной и летом следующего года приезжали французские посольства с предложением руки и сердца от младшего брата короля. Граф Сасекс и его сторонники выступали за этот брак. В свою очередь граф Лейстер, все самые ярые протестанты двора и обычные англичане, недолюбливавшие французов в частности и католиков вообще, выступали против.

Дабы окончательно убедить королеву не выходить замуж за француза фаворит устроил для нее очередной пышный прием в новом замке – Уонстед-Хаус, его недавней и очень дорогой покупке. Там Елизавета провела несколько дней в мае 1578 года. Молодой поэт, Филипп Сидни, ставший уже к тому моменту очень популярным сочинителем сонетов, пел дифирамбы королеве в новом произведении, написанном специально по такому случаю. Сонет назывался «Майская дама». Если бы в скором времени Филипп Сидни не погиб на поле боя, у противников Шекспира существовал бы великолепный кандидат на авторство. Сонеты Сидни переводились на другие языки, его слава протиралась далеко за пределы Англии. Оплакивая своего любимца, на похороны собрался чуть не весь Лондон.

После Уонстеда королева поехала дальше – в графства Эссекса, Сафолка и Норфолка. Везде ее приветствовали знать и простой народ. Елизавета останавливалась погостить в домах подданных, что для них являлось делом чести, хоть и весьма непростым, нервным и, главное, чрезвычайно затратным. Королевский кортеж был великолепен и невероятно огромен! К нему периодически присоединялось французское посольство. В конце августа королева прибыла в старинный, довольно-таки удаленный от Лондона город Норидж. Весь путь лежал на северо-запад, оставляя в стороне Стратфорд.

Чем был интересен визит королевы в Норидж? Встречали ее там также пышно, как и везде до этого, устраивая представления и преподнося ценные подарки, до которых королева была так охоча, что всегда, не стесняясь, прилюдно их разглядывала и громко оценивала. Интересно, пожалуй, упомянуть беженцев из Испании. Отчего-то именно в Норидже их количество оказалось самым большим в Англии. Протестантам, укрывшимся от устрашающего и жестокого «режима» испанского короля-католика, предоставили для молитв на родном языке церковь. Также их поощряли заниматься производством товаров, которые они изготавливали до того на родине. В итоге производство шерстяных тканей в Англии поднялось до невиданного доселе уровня, что с лихвой окупило королевское гостеприимство.

Организация развлечений для королевы стало отдельной профессией. Из трех основных организаторов празднеств в Кенилворте, двое участвовали в подготовке приема в Норидже. «Никогда не видел, чтобы королеву принимали лучше, чем в этих двух графствах, Сафолк и

Норфолк, во время одного и того же путешествия... Всех превзошел Норидж», – писал один из свидетелей той поездки.²⁰

Что же касается брака с французским принцем, то стороны, заинтересованные в нем, продолжали в 1579 году настойчивые попытки убедить королеву (при помощи самых различных средств – писем, пылко расписывающих прелести этого брака, пышных комплиментов в ее адрес, частых встреч) выйти замуж. В числе средств, которые, как известно, в подобных делах все хороши, были те, что имели целью очернить представителей противоположной стороны. А среди противников брака на первом месте стоял фаворит Лейстер. В итоге его противники, с трудом скрывая радость, сообщили Елизавете о тайной женитьбе графа на вдове умершего в Ирландии несчастного Эссекса.

Если смерть последнего и бросала тень на графа Лейстера, то женитьба, в глазах королевы, стала непрослительным грехом. Она даже ненадолго отправила фаворита в Тауэр. Однако, просидел он там недолго и был выпущен на свободу. Дадли не смог полностью восстановить доверие королевы, а его жена навсегда потеряла возможность бывать при дворе и появляться пред очами Ее Величества, даже после смерти графа и после того, как сын графини, Роберт Эссекс, завоевал симпатии Елизаветы.

Несмотря на усилия восстановленного в правах Лейстера, королева продолжала настаивать на своем желании выйти замуж. Даже Тайный Совет побоялся открыто высказаться против. И только Филипп Сидни, который был непосредственным свидетелем Варфоломеевской ночи в Париже, а также являлся искренним приверженцем протестантской веры и другом Вильгельма Оранского, не скрывал обуревавших его чувств. Он считал, что брак с младшим братом французского короля станет фатальным для Англии и разрушит безупречную репутацию королевы. Сидни написал длинное письмо Елизавете, перечисляя все минусы планируемого альянса. Как ни странно, королева простила молодому фавориту вмешательство в ее личные дела и откровенность высказанного мнения.

В 1580 году вопрос с замужеством так и не был решен. А в ноябре того же года в порт Плимута из кругосветного путешествия прибыл корабль Френсиса Дрейка. Мореплаватель в мгновение ока превратился в национального героя, которого приветствовали с почестями, восхищаясь его талантами. К тому же Дрейк привез из своего похода несметные богатства, что заставило молодых людей начать мечтать о новых морских походах в далекие земли. Единственным смущающим умы государственных мужей моментом являлся «небольшой» нюанс – награбленные Дрейком богатства в основном принадлежали Испании. Испанский посол поспешил напомнить об этом пикантном обстоятельстве, открыто обвиняя Дрейка в пиратстве.

Королева размышляла недолго: весной 1581 года она посетила прием, устроенный в ее честь на борту корабля Дрейка и удостоила его рыцарского звания. Дрейк перестал быть просто Дрейком, а стал «Сэром Френсисом Дрейком».

Но в Англию морем прибывали не только мореплаватели. Тайно на берег сходило большое количество англичан, католических священников, которые прошли обучение в семинариях различных католических городов Европы, включая Рим. В их задачу входило активное распространение учения католической церкви. В связи с таким поворотом событий королева издала указ, согласно которому все, чьи дети или лица, находящиеся под опекой, обучаются за границей, должны «в течение десяти дней предоставить их имена властям, а в течение четырех месяцев возвратить их домой».²¹

Кроме того, тем, кто в дальнейшем желал отправить детей учиться в католические страны, необходимо было получить на то специальное разрешение. Местным священникам вменялось в обязанность отслеживать семьи, в которых могли циркулировать подобные идеи.

---

²⁰ Memoire of the court of Queen Elizabeth

²¹ Memoire of the court of Queen Elizabeth

Да и не только детям, взрослым также негласно не советовали задерживаться за границей надолго. Чтобы отправиться в путешествие им следовало, как и детям, получить разрешение. Автоматически его получить было нельзя: прежде с желающим уехать проводили беседу. Если человек не выказывал должной любви к родине, являлся невежественным в области религиозной и не осознавал опасностей, таившихся в католических странах, ему в разрешении отказывали.

В 1581 году французский король вновь попытался возобновить переговоры о заключении брака между своим братом и английской королевой. В Англию снова отправилось посольство. Приняли французов с размахом. Королева выбрала для себя образ романтический. Ее приближенные готовили брачный договор.

Развлекали Елизавету и гостей пьесами Джона Лили (1553 – 1606). И вот – еще одна интересная персона! Старше Шекспира всего на десять-одиннадцать лет (точный год рождения не известен), Лили к 1581 году успел добиться признания и известности в самых высоких кругах общества. А ведь он не являлся выходцем из аристократической семьи. По некоторым сведениям, его дедушкой был уже упоминавшийся выше автор учебника грамматики – Уильям Лили. Он, как и Шекспир, был старшим ребенком в семье. Но ему, в отличие от Шекспира, удалось поступить в Оксфордский университет. Практически сразу после его окончания, Лили написал два романа («Эвфуэс, или Анатомия остроумия» и «Эвфуэс и его Англия»), которые быстро стали популярными, причем до такой степени, что чуть ли ни каждый образованный англичанин цитировал оттуда отрывки наизусть.

Есть упоминания о некоем конфликте графа Оксфорда – того самого Эдварда де Вера, которому многие годы спустя будут приписывать авторство пьес Шекспира – с Джоном Лили. Лили даже жаловался главному советнику королевы, лорду Берли. Однако, ни в тот раз, ни позже какой-то существенной поддержки основной организатор королевских развлечений от высоких персон не получил.

Стиль произведений Лили – высокопарный, «искусственный», слишком насыщенный метафорами и эпитетами. При дворе Елизаветы автор писал сценарии к увеселительным мероприятиям и пьесы. Вскоре после появления на театральных подмостках пьес Шекспира, популярность Лили пошла на убыль. Стали тому причиной новые имена, включая имя Шекспира, или на то были другие причины, но умер Лили полузабытым, в нищете.

Некоторые считают влияние Лили на творчество Шекспира (да и на других известных поэтов и драматургов того времени) огромным. Тем не менее, существует и совершенно иная точка зрения на «заимствования» элементов стиля Лили в шекспировских пьесах: «заимствования», на самом деле, являются ничем иным, как сатирой, высмеиванием напыщенного стиля Лили...

Если же вернуться к попыткам французов склонить Елизавету к заключению брака с принцем, то несмотря на развлечения, составленный договор и уже готовую согласиться с подобным альянсом публику, дело затягивалось. Но далее тянуть время начала королева. Ее образ менялся постоянно: то она становилась холодной и равнодушной, то превращалась вновь в романтическую женщину,ждавшуюся, наконец-то, своего принца.

Одним из ярких примеров подобного изменчивого поведения Елизаветы был следующий эпизод. Когда ко двору прибыл сам жених, она вручила ему перстень, сняв его со своего пальца. Не успели противники этого брака пролить слезы, как на следующий же день Елизавета без свидетелей поговорила с Анжу, после чего он выбежал из комнаты и вернулся с подаренным кольцом, который возвратил королеве. Потом, правда, говорили, возмущался ветреностью и непостоянством жительниц острова.

Умер французский принц в 1584 году. До этого времени Елизавета успешно тянула с замужеством, не говоря ни «да», ни «нет». Сватовство француза запомнилось многочисленными развлечениями, вкусной едой и великолепными винами, которые подавались к столу.

Считается, что расцвет «золотой» эпохи Елизаветы Тюдор начался именно с этого момента. На сцену начали выходить поэты и драматурги, прославлявшие свою королеву. Это – начало той эпохи, которую будет символизировать Шекспир.

Пока, он – всего лишь молодой человек из Стратфорда, не ведающий, что уготовила ему судьба. Но в Лондоне к его прибытию практически все готово: публика застыла в предвкушении новых спектаклей, двор королевы, затаив дыхание, слушает сонеты Филиппа Сидни...

Конец исторической справки

***

Женитьба Уильяма Шекспира, как и остальные детали его биографии, окутана тайной. Казалось бы, что таинственного несет в себе свадьба с беременной невестой по имени Анна Хэтуэй? Конечно, можно поразмышлять о причинах скоропалительного брака: был ли он заключен по любви или только из-за беременности Анны. Но прежде чем перейти к этой стороне дела, неплохо познакомиться с будущей женой драматурга. А вот тут и возникает несколько вопросов.

Начнем с того, что Шекспир, судя по записям (странно, однако, тут потомки имеют аж две записи, только вносящие очередную сумятицу и ничего не проясняющие) женился дважды. 27 ноября «Wim Shaxpere» выдали разрешение жениться на «Annam Whateley» из местечка Темпл Графтон. Фамилию Шекспира писали и так, и эдак, имя могли сократить (тем более, Уильяма часто называли Уилом). Но почему фамилия Анны превратилась из «Nathaway» в «Whateley непонятно – звучат они по-разному. На следующий же день, 28 ноября появляется запись о внесении финансовой гарантии относительно женитьбы «William Shakespeare». Гарантию внесли близкие друзья семьи Хэтуэй.

Предполагается, что это портрет жены Шекспира, Анны Хэтуэй.

В связи с этим у шекспироведов появляется соответственно две версии. Первая – Шекспир женился дважды. На Анне Хэтуэй его заставили жениться из-за беременности. А хотел-то он в действительности связать себя узами брака с некоей Анной Уотели. Эта версия хороша тем, что полностью вписывается в дальнейшую историю Уильяма Шекспира. Он ловко убежит от жены в Лондон, а значит, и на самом деле не испытывал к ней сильных чувств. Вторая версия – секретари ошиблись. Тут существует несколько возможных вариантов: записали вообще не Шекспира (могут же быть люди, чьи фамилии звучали похоже или вообще одинаково), запи-

сали Анну, но переврали фамилию, вторую запись внесли случайно, первую запись внесли случайно и так далее, и тому подобное.

У Шекспира будут в жизни еще женщины, вносящие сумятицу в умы потомков. Анна Уотели – одна из первых. Есть портрет, который изображает весьма милостивую девушку и который считается портретом той самой Анны Уотели. Существует также набросок портрета, якобы изображающий жену Шекспира, Анну Хэтуэй. Портреты несомненно говорят в пользу Уотели. Поэтому, если первая версия верна, то Шекспиру можно только посочувствовать. Есть версии, в которых мысль развивается дальше: сонеты Шекспира, посвященные темноволосой красавице, писались в честь Анны Уотели. Так как портреты лишь предположительно изображают обеих дам, а личность мисс Уотели остается загадочной и непонятно, существовала ли женщина в принципе, то легче всего остановиться на второй версии. Ошибки в записях делались часто. За ними никто тщательно не следил и не перепроверял зафиксированные сведения.

Как бы то ни было, но женился молодой человек на Анне Хэтуэй. Противников у жены Шекспира много: раз он от нее сбежал в Лондон, значит, не любил. К тому же оставил ей согласно завещанию пресловутую «вторую кровать». Странники более мягкого взгляда на вещи утверждают, что к жене своей Шекспир относился хорошо, часто навещал семью в Стратфорде, а кровать по тем временам была очень даже дорогим предметом. И здесь, видимо, истина кроется где-то посередине.

Фамилия «Хэтуэй» была очень распространена в Англии, поэтому большинство однофамильцев брали себе вторую фамилию, чтобы различать друг друга. Вторая фамилия обычно бралась в соответствии с основным занятием главы семейства или по месту жительства. У Хэтуэйев из Шоттери вторая фамилия звучала как «Гарднер» (садовник). Иногда, в документах упоминалась одна из фамилий (любая, «на вкус» секретаря).

Джон Шекспир, отец драматурга, видимо, был знаком с дедом (Джон Хэтуэй) и с отцом (Ричард Хэтуэй) Анны. По крайней мере, сохранилась запись о том, что в 1566 году он являлся поручителем Ричарда Хэтуэя. Семья Хэтуэй жила в местечке Шоттери, неподалеку от Стратфорда. Джон Хэтуэй, как и Джон Шекспир являлся фермером (тоже «уеопан»). Об этом есть записи, датируемые 1520 – 1548 годами: в Стратфорде дед Анны занимал практически те же посты, что и Джон Шекспир, поэтому его фамилия периодически появляется в документах разного толка.

В 1542 году в документах манориального суда ²² от 20 апреля говорится, что Джон Хэтуэй владеет собственностью в Шоттери. Дом, который ныне показывают туристам под названием Ann Hathaway's Cottage, конечно, никогда ей не принадлежал. В нем жил ее дед, туда привел жену отец, там она родилась и прожила до замужества. После смерти отца в доме жила вторая жена Ричарда, а после ее смерти дом стал владением брата Анны, Бартоломью. Некоторые части дома были выстроены в четырнадцатом веке. Позже его перестраивали и достраивали. Местечко Шоттери находилось всего в миле от Стратфорда. Когда точно умер Джон не известно, но в 1556 году, когда родилась Анна, он, судя по записям, был еще жив.

Об отце Анны, Ричарде, известно чуть больше, чем о деде. Женился он дважды. Имя первой жены не упоминается, хотя именно она родила Ричарду Анну, старшую дочь. Вести записи о крещении обязали священников, начиная с 1558 года, поэтому не только дата рождения Анны, но даже дата крещения в записях отсутствует. Если Анна Хэтуэй – на самом деле жена Шекспира, то, отталкиваясь от написанного на ее могиле, можно сделать вывод, что родилась она до 6 августа в 1556 году (на могиле указана дата смерти, 6 августа, и количество прожитых лет – 67).

Предполагают, первая жена Ричарда была родом из Темпл Графтон, того самого местечка, где якобы проживала Анна Уотели. Темпл Графтон расположен в примерно четырех

²² В манориальных судах, возглавляемых сеньором поместья, в частности рассматривались земельные споры

милях от Шоттери. Вполне вероятное предположение, к тому же указывающее на то, что там у Анны жили родственники со стороны матери, а значит Шекспир в Темпл Графтоне все-таки женился именно на ней, а не на мисс Уотели.

От первой жены у Ричарда осталось трое детей: Анна, Бартоломью и Катерина. Бартоломью родился в 1554 году (иногда указывается 1558 год – Анна в любом случае была старшей дочерью в семье), а Катерина в 1563, после чего их мать умерла. Ричард женился вторично на некоей Джоане, также родившей ему несколько детей: Томаса в 1569 году, Маргарет в 1572 году, Джона в 1574 году, Уильяма в 1578 году.²³ Умерла Джоана в 1599 году, на много лет пережив мужа. В завещании Ричарда указаны все дети. Девушкам деньги должны были быть выданы после замужества.

Бартоломью женился в тот же год, когда и Анна, покинув на время Шоттери. После смерти мачехи в 1599 году он переехал обратно в отчий дом. С Уильямом Шекспиром Бартоломью близко не общался, зато дружил с его зятем (мужем дочери Сюзанны). Он стал весьма уважаемой фигурой в Стратфорде и зажиточным фермером.

Обнаружилось, что Анна Шекспир и Анна, дочь Ричарда Хэтуэйя – одно лицо в 1709 году.²⁴ Смущает биографов один момент: в завещании отец называет Анну «Agnes». Историки, тщательно исследовав спорный вопрос, обнаружили, что в описываемые времена Агнессу часто «переименовывали» в Анну. Имена эти значат совсем не одно и то же, но вышеуказанная практика имела место.²⁵

Почему же вдруг в 1709 году решили, что именно Анна Хэтуэй является Анной Шекспир? Перечислим всего три факта, которые выглядят достаточно убедительно. Во-первых, семьи общались. Это – самый простой факт, ничего не доказывающий, но в то же время показывающий, что молодые люди были знакомы. Зная о деловых качествах Джона Шекспира, можно предположить, что он вряд ли бы поручился за Ричарда Хэтуэйя, когда тот брал займы в 1566 году, если не общался с ним близко. Во-вторых, существует документ – завещание Томаса Уитингтона, написанное в 1601 году – где он указывает Анну Шекспир в качестве человека, хранившего его деньги. А Томас служил у Хэтуэйев, что опять устанавливает связь между двумя семьями.

Третий факт, конечно, в полном смысле этого слова фактом назвать сложно. Но когда накапливаются совпадения, они становятся неплохим подтверждением высказанной теории. А в истории Ричарда Хэтуэйя совпадений с некоторыми деталями биографии Уильяма Шекспира хватает. Ричард, родственник Анны Хэтуэй, как и Шекспир, писал пьесы и работал в тех же театрах. Родом Ричард был из Уорикшира. Он написал около четырнадцати пьес самостоятельно или в соавторстве с другими драматургами. После 1603 года о Ричарде ничего не слышно. Считается, что 1603 год – год его смерти. Первые пьесы датируются 1598 годом. Можно предположить, что возможные родственники либо вместе начинали работать в театре, либо Ричард, если он приехал в Лондон раньше, мог даже помочь Уильяму устроиться в театр.

Часто, вставая на сторону Уильяма Шекспира, исследователи его биографии утверждают, что женился он вынужденно, в связи с беременностью подруги. Однако, стоит отметить и другую точку зрения: семья Анны давала за ней какое-никакое приданное, а отправляла при этом в семью, испытывавшую финансовые трудности. Анна переезжала в дом, где жили родители Уильяма вместе с пятью детьми. Причем младшему исполнилось всего два года. Сам Уильям не имел приносящей доход работы, помогая отцу, не получая ощутимой прибыли. Обычно мужчины из средних и низших слоев населения женились позже (взять даже в качестве примера отца самого Уильяма). Им необходимо было время, чтобы получить специальность – а неко-

²³ Даты рождения детей не точны, но разница по разным источникам достигает в среднем не более одного года

²⁴ Germaine Greer, *Shakespeare's Wife*

²⁵ Там же

торые виды работ требовали нескольких лет ученичества. Только потом, начав зарабатывать самостоятельно, мужчина решался обзавестись семьей. И если мужчина уже к тому моменту практически достигал тридцатилетнего возраста, то в жены он брал девушку лет двадцати, чтобы она сумела выносить и родить ему детей. Во времена финансовых затруднений мужчины также откладывали женитьбу на более поздние, более стабильные времена.

Заключение брака с Анной было отчасти выгодно семье Шекспира. Молодая женщина имела огромный опыт ведения хозяйства – в семьях старшие дочери помогали матери по дому и возились с младшими детьми. В связи с такой нагрузкой Анна вряд ли имела возможность ходить в школу или получить домашнее образование. Всю жизнь до замужества и после она провела в Стратфорде, никуда не выезжая за его пределы.

Что касается беременности до брака, то многие исследователи утверждают: ничего особенного для тех времен в подобном развитии сюжета не было. Якобы, нередко молодые люди вначале вступали в близкие отношения, а потом, узнав о беременности, женились. И все же, сказать, что это было явлением обыденным нельзя. Общественное мнение вовсе не поощряло подобные отношения, да и церковь, конечно, лишь шла на встречу молодой паре, соглашаясь ее обвенчать. Так что, как бы то ни было, а Уильям и Анна рисковали. Кто больше? Кто из них был заинтересован в браке? Анна, засидевшаяся в девицах, или Уильям (точнее, его семья, знавшая семью Хэтуэйев, и вполне возможно договорившаяся о браке заранее)? Сегодня, сказать сложно. Тут важен один момент – бежал ли Уильям Шекспир от своей жены, так как не любил ее, или..., или просто решил попытать счастья и заработать денег? Ну что ж, кто бы ни был заинтересован больше, но скорее, это брак «по предварительной договоренности», а не по любви.

Выйдя замуж за Уильяма, Анна вряд ли имела возможность отдохнуть от привычных обязанностей. К тому же, их первый ребенок, Сюзанна, родилась в мае 1583 года – всего через шесть месяцев после свадьбы, а близнецы, Джудит и Гамнет, родились в январе-феврале 1585 года.

Уильяму не исполнилось и двадцати одного года, а он уже стал главой семьи, состоявшей из трех детей и двадцатидевятилетней жены. Благосостояние Шекспиров не улучшалось. Дом, в котором родился и вырос Уильям, становился мал для увеличивающегося семейства. «Просторным», как пишут в некоторых книгах, его назвать никак нельзя. Проверить этот факт просто – стоит лишь доехать до Стратфорда и нанести туда визит. Несохранившаяся обстановка никак не помешает оценить весьма скромные размеры жилища. Проводить там время с женой, разрывавшейся между тремя детьми и заботами по дому, у будущего драматурга явно желания не было. Бизнес отца не привлекал. А брат Гилберт поддерживал стремление попробовать свои силы в Лондоне. Скорее всего, мать Уильяма не противилась желанию сыновей уехать из Стратфорда. Да и отец, с которым Уильям будет впоследствии постоянно поддерживать связь и даже осуществлять сделки, думается, не имел ничего против. В любом случае, Анну с детьми Уильям оставлял на попечение родителей.

Глава 6. Бегство в Лондон

Когда точно Уильям уехал в Лондон неизвестно. Годы с 1585, когда появилась запись о крещении близнецов, по 1590 – 92, когда появляются первые сведения о работе Шекспира в Лондоне, называют «Lost Years» – «потерянные годы». Биографы делали неоднократные попытки воссоздать этот период, но безуспешно. Предположения остаются предположениями, а самое правдоподобное из них является самым скучным и неинтересным для читателя.

Какие же существуют версии? Кратко их можно перечислить следующим образом: Уильям помогал отцу вести торговлю и делать перчатки, Уильям помогал мяснику разделять туши животных, Уильям учительствовал, Уильям служил секретарем в суде, Уильям браконьерствовал в близлежащих лесах, за что его преследовали, и он бежал от суда в Лондон, и наконец, Уильям примкнул к приезжавшему на гастроли в Стратфорд театру – с ним путешествовал и «допутешествовался» до Лондона...

Первая версия – та самая, наиболее скучная, обыденная и просто напрашивающаяся, если исходить из здравого смысла, не пытаясь придать образу будущего драматурга излишнего романтизма. Впрочем, совсем уж неромантичным выглядит образ помощника мясника, но эту версию можно оставить в стороне, потому что таким же образом Уильяма позволительно определить в ученики или помощники к представителю любой профессии, распространенной в родном городе.

Если попробовать представить себе ситуацию, как она, вероятно, развивалась в семье Шекспиров, то получится следующее. Написание первой пьесы Уильяма Шекспира относят к 1590 году. Упоминание о ее постановке находят в 1592 году. Конечно, написать драматург «Генриха VI» мог и не в 1590 году. Тем не менее, какое-то время ему явно потребовалось. Потребовалось и время для того, чтобы обосноваться в Лондоне. При всех родственных связях со стороны матери, в одночасье Уильяму было бы сложно найти себе работу в театре, да еще и быстро убедить поставить свою пьесу. Год, когда Шекспир, видимо, прибыл в столицу – 1588-89. «Потерянных» лет остается три.

В начале 1585 года рождаются близнецы. Вряд ли будущий драматург был таким уж негодяем, чтобы сразу же покинуть родной дом и отправиться в поисках лучшей жизни куда-нибудь подальше. Видимо, все-таки он старательно пытался выполнять возложенную на него им самим и окружающими роль примерного семьянина, старшего сына, а значит, продолжателя дела отца. Конечно, что-то Уильяма от скучного, невзрачного сценария отвлекало. Основным отвлекающим моментом вполне могли быть театры с завидной регулярностью посещавшие Стратфорд, словно поставив себе целью сбить молодого человека с пути истинного.

Судя по сохранившимся записям, на гастроли труппы приезжали в родной город Шекспира постоянно. В 1572 году, когда ему исполнилось восемь лет, театральная труппа графа Лейстера давала представления в Стратфорде с участием отца будущего коллеги Уильяма по театру и близкого друга – Джеймса Бербейджа. Точная дата рождения Джеймса неизвестна – примерно он родился в начале тридцатых. К 1572 году будущий основатель одного из первых Лондонских театров, имевшего постоянное помещение для постановки спектаклей, уже играл в труппе графа Лейстера.

В 1577 году труппа дала еще пять представлений в Стратфорде. Уильяму – тринадцать лет. Очередные совпадения? Вряд ли. Думается, Джеймс Бербейдж, с сыном которого впоследствии будет играть Шекспир, познакомился с молодым человеком, и знакомство затем сыграло определенную роль в карьере драматурга.

Обычно в то время театральные труппы организовывали несколько человек, являвшиеся как основными актерами, так и совладельцами театра (в дальнейшем подобным же образом будет действовать и Уильям Шекспир). Второстепенных актеров и других необходимых театру

работников нанимали. Знатные люди часто имели собственные труппы. Актеры не только играли в спектаклях, но порой выполняли и другие обязанности по дому. Скорее всего, именно поэтому актеров называли «слугами». Потраченные на содержание труппы деньги отчасти окупались по время гастролей актеров по стране – представления не были бесплатными. Однако, траты у актеров тоже возникали высокие: покупка костюмов (а играли актеры королей, королев и других представителей верхушки общества, облачавшихся в не самую простую и дешевую одежду), оплата услуг второстепенных актеров и других работников сцены, покупка пьес (а репертуар у театральных трупп менялся часто). Выступления театральных трупп, как правило, не планировались на воскресенье и на дни церковных праздников, а также на время поста. Впрочем, эти ограничения многие обходили. Что обойти было практически невозможно, так это эпидемии чумы. Когда количество смертей начинало превосходить определенную цифру (тридцать-сорок человек в неделю), спектакли запрещали. Впервые постоянное помещение для театра появилось у вышеупомянутого Джеймса Бербеиджа в 1576 году.

Граф Лейстер начал патронировать театральную труппу с 1559 года. В 1572 году Елизавета подписала указ, предписывавший всем труппам в обязательном порядке иметь подобного графу знатного покровителя. Не имевшие такового могли быть приравнены к бродягам и подвергались штрафам. За выполнением указа следили строго – в городах, подобных Стратфорду, подобную функцию выполняли члены городского совета, занимавшие должности констеблей, приставов – те, что в свое время занимал Джон Шекспир.

«Каждая театральная труппа, дававшая представления в тот период, имела покровителя. Ранее законы, касавшиеся покровительства, были не очень жесткими, и оказывать покровительство труппе мог чуть ли не каждый желающий. Труппа даже могла записать какой-нибудь город в качестве своего покровителя... К 1577 году, однако, законы, касавшиеся покровительства, стали жестче. В частности, указ 1572 года о наказании для бродяг и о помощи бедным и немощным оговаривал, что покровитель театральной труппы должен быть либо бароном, либо человеком еще более высокого звания. В ином случае им должны выдать лицензию два местных судьи. Без этого труппу будут считать группой бродяг, которых имеют право посадить в тюрьму».²⁶

Актеры под руководством Джеймса Бербеиджа написали своему покровителю письмо с просьбой не просто продолжать оказывать им покровительство, но и сделать их «слугами», что давало им возможность выступать в Лондоне без всяких ограничений.

Письмо подписали пять актеров, и им же уже в 1574 году выдали королевский патент, дававший право выступать в любом городе Англии, а местные власти не имели право эти выступления по какой-либо причине отменять. После труппа графа не раз выступала перед королевой и ее двором: в 1574 и 1575 годах, а также во время приемов, устраиваемых в честь Елизаветы Лейстером в замке Кенилворт.

Конечно, некоторые труппы предъявляли поддельные лицензии, а у некоторых их просто-напросто никто не требовал. А тем, кто их имел, местные власти все равно порой не разрешали выступать. Так или иначе, а жизнь актеров была полна опасностей. Известны многочисленные случаи, когда между актерами и зрителями или между актерами разных трупп возникали драки, приводившие к смертельному исходу. Актеров грабили, и нередко они становились после таких гастролей не богаче, а беднее.

«Несмотря на возможные трудности, многие актеры предпочитали вести жизнь гастролирующих актеров, и даже труппы, обосновавшиеся в Лондоне, продолжали регулярно гастролировать. Такой образ жизни имел свои преимущества. Размер оплаты гастролирующим труппам не был особенно велик. Но конечно, эти суммы далеко не всегда отражали все те деньги, которые могли получить актеры... Помимо денежного вознаграждения актеры часто получали

²⁶ Terence Schoone-Jongen, Shakespeare's companies: William Shakespeare's Early Career and Acting

бесплатное питание, проживание и другие выгоды». ²⁷ Именно по этой причине одни и те же труппы регулярно приезжали в одни и те же места – туда, где их хорошо встречали. Кроме того, по сравнению с Лондоном, гастроли имели и другое преимущество: можно было не менять репертуар и играть одни и те же пьесы в разных городах и весях.

В среднем труппа состояла из десяти человек (иногда чуть меньше, иногда чуть больше). Передвигались актеры, в зависимости от своего финансового состояния, пешком или на лошади. Обычно они имели повозку, в которую складывали костюмы и необходимый для спектакля реквизит. Нередко из Лондона труппу гнала чума, и она путешествовала по Англии, особенно часто навещая города в графствах, которые принадлежали их покровителям. Именно поэтому труппа графа Лейстера не раз колесила по графству Уорикшир.

Представления давались как на улице, так и внутри зданий, например, в здании городского совета, в школах или на постоянных дворах. Также для представлений знать предоставляла помещения в замках. Если спектакли давались на улице, то чаще их ставили в церковных дворах или на рынках.

Обычно театральная труппа, приезжая в город, в первую очередь встречалась с мэром или другим представителем городского управления. Без всякого объяснения причин актерам могли запретить давать в городе спектакли: «бывало мэр не являлся любителем театра, бывало боялся возможных беспорядков, бывало беспокоился, что актеры могли занести в город чуму. Бывало, сам город уже страдал от нашествия «черной смерти» и избегал больших скоплений людей». ²⁸

Но чаще актерам разрешали остаться в городе. Тогда они начинали «рекламировать» свои представления: шествовали по улицам и били в барабаны, играли на трубе. Порой они объявляли о грядущем спектакле на центральной площади. Насколько долго труппа оставалась в городе, зависело от того, насколько тепло ее принимала публика. Но в среднем актеры задерживались в одном месте не более чем на одну неделю, давая иногда по два представления в день.

Труппа графа Лейстера была очень популярна вплоть до 1588 года. Впрочем, у нее существовали конкуренты, например, труппа графа Оксфорда. В 1583 году часть актеров Лейстера переманили в труппу Оксфорда. Но основной удар, приведший к окончательному развалу труппы, случился в 1588 году, когда умер граф Лейстер. Актеры разошлись работать по разным театрам...

Граф Оксфорд – фигура крайне интересная. Граф обязательно «всплывет» в этой книге чуть позднее. Ведь именно его считают претендентом номер один на авторство шекспировских пьес. Граф начал оказывать покровительство своей труппе примерно в начале 1580х. Труппа была набрана в основном из актеров, ранее игравших в компании графа Уорика. Однако, деятельность труппы нельзя назвать успешной – по крайней мере, после ее формирования существенного количества записей об их гастролях не обнаруживается. Зато есть другие примечательные записи. «В 1580 году Тайный Совет отправил в тюрьму двух членов труппы графа Оксфорда за организацию беспорядков и драку с джентльменами из «Судебных Иннов»²⁹. Драка произошла сразу после того, как труппа графа Оксфорда слилась с труппами Даттона и графа Уорика. Этот шаг посчитали актом предательства... Не сложно себе представить недовольство актеров «Судебных Иннов». Их подстрекательство к драке привело к дальнейшей травле труппы Оксфорда, что привело к их изгнанию с лондонской сцены в провинцию». ³⁰

---

²⁷ Там же

²⁸ Там же

²⁹ Inns of Court – четыре школы барристеров в Лондоне, их ученики ставили собственные спектакли и были очень известны

³⁰ Brian Jay Corrigan, Playhouse Law in Shakespeare's World

Интересно упомянуть и труппу лорда Стренджа. К 1585 году в Стратфорде успело побывать много театральных трупп. Среди них труппа лорда Стренджа – труппа активно гастролировала, а в 1582 году впервые выступала при дворе королевы. Этот коллектив иногда называли не театральной труппой, а акробатами. Такое смешение понятий возникало часто, так как отдельные актеры совмещали представления театральные с цирковыми. Позже ее стали именовать труппой графа Дерби – титул, перешедший по наследству к сыну лорда, Фердинандо, после смерти Стренджа в 1593 году. История графа Дерби так непроста, что стоит ненадолго отвлечься от театра. Его мать была упомянута Генрихом VIII в завещании, так как являлась потомком Генриха VII. Стояла она в списке наследников престола далеко не первой, но из-за смерти тех, кто ее опережал, мать лорда резко поднялась по этой своеобразной лестнице. Елизавета стала королевой, вслед за ней следующей претенденткой на трон являлась Леди Клиффорд. А соответственно после ее смерти наследником трона стал бы Фердинандо. Преждевременные смерти обоих, естественно, обросли слухами – считалось, что по тайному указанию Елизаветы их отравили.

Ну что ж вернемся на «театральные подмостки». Граф Дерби, пока был жив, покровительствовал искусствам, в том числе театру. Кто в списке его фаворитов? Уильям Шекспир и Кристофер Марло. О Марло придется тоже говорить отдельно – он не номер один, но тоже среди претендентов, в первой пятерке, на авторство пьес Шекспира. К 1590 году труппа лорда Стренджа объединилась с труппой лорда Адмирала и чуть позже уже давала представления на сцене театра, владельцем которого являлся Джеймс Бербейдж. То есть, это – та самая труппа, в которую влился Уильям Шекспир примерно в 1592 году. Так или иначе, а труппа графа Дерби давала спектакли по первым пьесам Шекспира: «Генрих Шестой» (в трех частях) и «Тит Андроник».

Средневековый уличный театр. Фрагмент картины Питера Балтенса, изображающей праздник в деревне.

Граф Дерби не просто патронировал театральную труппу, он и сам писал стихотворные произведения, причем имевшие большой успех в обществе. Видимо, полноценно причислить его к списку претендентов на авторство помешала лишь ранняя смерть графа в 1594 году. Но вот тот факт, что он мог помогать Уильяму делать первые успешные шаги на сцене, вполне правдоподобен. Графа не раз обвиняли в связи с католиками и небезосновательно. Желаящие вернуть на английский трон приверженца католической веры пытались вести с ним переговоры. А, как мы помним, некоторые члены семьи Шекспира также были замешаны в подпольной деятельности, направленной против официальной религии, окончательно установленной Елизаветой.

Смерть графа Дерби окутана тайной – считается, что он был отравлен: то ли католиками, которых он в итоге отказался возглавить, то ли сторонниками королевы... После загадочной смерти графа актеры его труппы разделились. Кто-то остался в составе театральной компании, которая под прежним именем гастролировала по Англии, кто-то влился в состав труппы лорда Камергера, владельцами которой к тому времени являлись Уильям Шекспир и Ричард Бербейдж (сын Джеймса Бербейджа, друг Шекспира).

Труппа графа Уочестера, также наведывавшаяся в Стратфорд, была известная уже в середине шестнадцатого века. Тем не менее, о ней мало, что можно сказать до 1601-02 годов, когда граф стал весьма заметной фигурой при дворе Елизаветы и добился от Тайного Совета специального разрешения для своей труппы давать спектакли в Лондоне. До этого таким правом обладали лишь труппы лорда Камергера и лорда Адмирала. В конце 1602 года в труппу перешла значительная часть актеров труппы графа Оксфорда. Успех труппы нельзя сравнить с успехом двух других вышеупомянутых театральных компаний, выступавших в столице. Однако, когда к власти в Англии пришел король Яков, труппа получила королевское покровительство и стала именоваться труппой королевы Анны (по имени жены Якова). Свое существование данный коллектив прекратил в 1623 году.

Перечислить все труппы, гастролировавшие по городам Англии практически невозможно, однако, представить себе общую картину не так уж сложно: стоит только посмотреть на список придворных Ее Величества королевы Елизаветы. Почти все знатные люди королевства патронировали собственные театральные компании: кроме вышеупомянутых Лейстера, Оксфорда, Стренджа и Уочестера, это труппы Эссекса, Беркли, Стаффорда, Хадсона, Ховарда, Сассекса, Хантингтона, Монтджоя, Сесила и многих других. Некоторые труппы просуществовали недолго, другие оставили заметный след в театральной истории Англии.

Скорее всего, семья Уильяма не пребывала в восторге от его намерения стать актером. А вероятно и не знала о таковых – ведь Гилберт, тоже засобиравшийся в столицу, намеревался заниматься торговлей. Почему бы Уильяму не высказываться в том же духе? Снабдив сыновей необходимыми контактами, родители с чистой совестью могли надеяться на улучшение своего благосостояния – столица всегда представлялась жителям других городов гарантом успеха, обеспеченной жизни.

Таким образом, «на руках» у братьев оказались адреса родственников, а у Уильяма не исключено, что и контакты представителей театральных компаний, которые они могли ему оставить, давая многочисленные представления в Стратфорде. Также будущий драматург имел основания рассчитывать и на помощь влиятельной родни.

Отъезд, вероятно, случился между 1588 и 1590 годами. Наиболее правдоподобным выглядит 1589 год, так как 1588 год ознаменовался не театральными премьерными, а морскими битвами. Испания попыталась напасть на Англию и отправила к ее берегам огромный флот, известный в истории как «Испанская Армада». Флот потерпел поражение, и причин тому называют несколько: это и более быстроходные корабли англичан, и «пиратский» опыт возглавлявшего английский флот Френсиса Дрейка, и неблагоприятствовавшая испанцам погода, и неумелое командование. В начале года англичане готовились выступить против врага, затем,

летом, пытались прогнать его от своих берегов. Осенью, казалось, опасность миновала, но еще несколько месяцев англичане следили за тем, как разметавшаяся по морю Армада идет мимо берегов Ирландии в сторону Испании.

Вряд ли Уильям Шекспир отправился в Лондон в тот год. Сохранившиеся записи о гастролях театральных трупп подтверждают догадку: театральная жизнь в 1588 году замерла: записи отражают почти ежегодные гастроли в Стратфорде – 1574, 1575, 1576, 1577, 1579, 1580, 1581, 1582, 1583, 1584, 1585, 1586, 1587 – актерам выплачивали различные суммы, что и фиксировалось в документах. Но далее, вплоть до начала 1590 года никаких отметок о приезжавших труппах нет. Это логично: кто-то из актеров мог пойти в армию, на флот. Да и общая атмосфера вряд ли способствовала разъездам по стране, охваченной если не паникой (хотя были моменты, близкие к паническим), то уж никак не радостью и весельем. С начала 1588 года Англия уже вела интенсивные приготовления к войне – ближайшим советникам королевы удалось склонить ее к решительным действиям, в том числе, к выделению финансов на строительство кораблей и вооружение. Покровители представителей Мельпомены также не сидели сложа руки: например, граф Лейстер по поручению Елизаветы руководил защитой Лондона. Королева не любила тратить деньги из казны, а потому знать не только принимала на себя командование, но и выделяла существенные средства на оплату всевозможных расходов, которые неизбежно возникали в военное время. Тут уж не до актеров.

Если Уильям держал все-таки в голове план покорения лондонской сцены (а скорее всего, именно так и было), то он понимал, что с поездкой в столицу следует повременить. Ранее отъезд тоже маловероятен в связи с рождением близнецов, хотя некоторые биографы предполагают, что Уильям сбежал от семьи с одной из театральных трупп еще в 1586 или в 1587 году. Одна из версий звучит следующим образом: актера гастролировавшей театральной компании убили в драке, и Уильям просто удачно попался под руку – его взяли на место отошедшего в мир иной лицедея. Идея красивая, но не более и не менее правдоподобная, чем остальные.

В конце 1588 года настроение в стране переменялось, но путешествовать зимой и в начале весны по разбитым дорогам было опасно и не очень комфортно. Скорее всего, Уильям покинул родной дом в конце весны или летом 1589 года. Первые упоминания о его творчестве относятся к 1592 году – у Шекспира было достаточно времени, чтобы освоиться в столице, поработать в одной из театральных трупп.

Известно, что пьесы «гуляли» из одного театра в другой. Их переписывали от руки во время спектаклей, актеры надиктовывали слова, которые произносили со сцены. Ну и, естественно, пьесы писали драматурги. Спрос был велик. Одни и те же произведения переписывались в разной интерпретации по много раз. Уильям Шекспир, набрав определенный опыт в качестве актера, мог начать писать пьесы не с бухты-баракты, а из-за острой необходимости снабжать свою труппу свежим материалом, особенно для представлений, дававшихся в избалованной спектаклями столице.

***

Какие же основные выводы можно сделать после прочтения первой части? Во-первых, мы видим, что родословная Уильяма Шекспира не так проста, как кажется. Со стороны матери у него были родственники аристократического происхождения, и данный факт в будущем давал Шекспиру возможность воспользоваться соответствующими связями и контактами. Его собственное образование нельзя назвать плохим. Нет никаких оснований полагать, что Уильям не учился в Стратфордской школе латинской грамматики: его отец, занимая определенные должности в городском совете, имел право на бесплатное обучение своих детей. А финансовые трудности у Джона Шекспира начались как раз тогда, когда Уильяму исполнилось четырнадцать. В этом возрасте дети обычно в любом случае образование в школе заканчивали. В

школе очень глубоко изучали латынь, и это позволяло ученикам познакомиться с текстами классических философов и поэтов, «образование уделяло огромное внимание к латинскому языку – языку дипломатов, профессионалов, языку образования высшего уровня, благодаря его моральной, философской и политической функциям, а также элегантности речи, построенной по всем правилам ораторского искусства». ³¹

Во-вторых, судя по сохранившимся записям, в Стратфорд ежегодно приезжали на гастроли театральные труппы, включая те, с которыми впоследствии будет сотрудничать Уильям Шекспир в Лондоне. Это – одни из самых известных трупп того времени. При подобной частоте состоявшихся в Стратфорде выступлений, сам собой напрашивается вывод: вполне вероятно, Уильям ходил на спектакли и в итоге познакомился с некоторыми актерами.

Таким образом, предположение о том, что в Лондон приехал необразованный сын перчаточника, непонятно чем занимавшийся все предыдущие годы и неожиданно ставший великим драматургом, лишено оснований. Напротив, в столице оказался молодой человек, окончивший школу, дававшую весьма недурное образование в области литературы, имевший какие-то контакты (будь то контакты родственников по материнской линии или контакты актеров, а возможно и те, и другие). Уильям Шекспир также «вез» в своем «багаже» полученные в наследство от деда и отца великолепные деловые способности, хватку и огромное желание преуспеть. Да, отцу не везло в последние перед отъездом сына годы. О причинах финансовых затруднений ничего не известно, но позднее мы увидим, что способности сами по себе никуда не делись. И когда с помощью сына семья вновь станет на ноги, Джон Шекспир еще проявит свои таланты.

«Если вы родились в 1564 году, то дислокация от опыта ваших родителей проявляется очень сильно. Вы – первое поколение, имеющее весь религиозный опыт на английском, первое, чьи соотечественники совершили кругосветное путешествие. Вокруг вас меняется политическая и экономическая структура мира. И вам не известно, чем все это закончится». ³²

Уильям Шекспир родился в сложное время, на сломе эпох, когда на смену католицизму в Англии приходила протестантская вера, когда вечные ценности и устои рушились, а приходившее им на смену оставалось неизвестным и непонятным. Уильям родился вовремя – словно специально для того, чтобы стать олицетворением странного, нового времени...

---

³¹ Tim Lambert, London in the Middle Ages

³² Neil MacGregor, Interview

Часть вторая. В Лондоне

*Посмотрите, чтоб об актёрах хорошо
позаботились. Вы слышите, пообходительнее с ними,
потому что они – краткий обзор нашего времени.
(«Гамлет, принц датский». У.Шекспир)*

Глава 1. Лондон

Вместе с Уильямом Шекспиром мы подъезжаем к столице королевства. На сцене меняются декорации. И вместо маленького городка мы видим большой средневековый город со всеми его достоинствами и недостатками. Город, в котором, как и в Париже, и в Риме, нищета соседствует с роскошью, из окон лачуг видны высокие стены дворцов, на улицах неприятно пахнет выливаемыми прямо на дорогу нечистотами. В городе орудуют воришки, бездомные просят на паперти милостыню. И несмотря ни на какие попытки властей ограничить поток людей, стремящихся найти счастье в столице, население Лондона стремительно увеличивается.

Историческая справка

Средневековую историю Лондона обычно отсчитывают с момента коронации короля Вильгельма Завоевателя в 1066 году. Именно этот король построил знаменитый замок, который позднее назвали Тауэром. Во времена Вильгельма Завоевателя Тауэр являлся королевской резиденцией и лишь позднее стал тюрьмой. Тем не менее, традиция проводить некоторое время перед коронацией в зловещей башне сохранилась на многие столетия вперед.

В 1176 году начали строить Лондонский мост (прежде рядом с новым каменным мостом стоял деревянный, построенный еще римлянами), и вплоть до 1739 года он оставался единственным мостом в городе, связывающим берега Темзы. Мост всегда был перегружен людьми и транспортом, поэтому порой становилось легче пересечь реку на лодке. Знаменитый собор Святого Павла построили в 1280 году, и на тот момент он являлся самым большим зданием в стране. Первую книгу в Англии напечатали тоже в Лондоне – в 1477 году. Со временем книги стали дешевле и доступнее.

Лондонский мост в Средние века.

Население столицы в начале средневекового периода составляло около восьми тысячи человек, но к началу шестнадцатого века по некоторым оценкам оно достигало уже от двухсот до трехсот тысяч человек. Город считался одним из самых больших и богатых в Европе. «Быстрый рост населения Лондона в основном обусловлен миграцией населения... Приезжие по большей части прибывали из провинции, а также из Уэльса, Шотландии и Ирландии, существенное количество людей приезжало из преследовавшей протестантов Франции и захвачен-

ных испанцами территорий Нидерландов». ³³ Около десяти процентов приезжих составляли молодые люди из провинции, приезжавшие обучаться ремеслу в столицу. Зажиточные семьи нанимали служанками приезжих девушек. Самые богатые могли позволить себе держать слуг мужского пола, а то и черных рабов. Слуги с темным цветом кожи считались признаком высокого достатка.

Небогатые жители покрывали крышу домов соломой, а стены делали из бревен. Полы были глиняными, сверху засыпанные все той же соломой. Естественно, важным местом в доме являлся камин: в нем готовили пищу, а зимой он служил единственным источником тепла. Из-за частых пожаров в Лондоне приняли закон, запрещавший покрывать крыши соломой, но жители частенько его нарушали.

К концу тринадцатого века в городе насчитывалось немало трехэтажных домов – улицы становились уже, а дома выше. Верхние этажи словно нависали над улицей. Однако, богатые люди могли себе позволить строить большие дома из камня, с садами. В основном знать строила дома вдоль улицы Стрэнд, которая вела прямо к королевскому Вестминстерскому дворцу. Strand означает «набережная», «берег реки», и улица когда-то располагалась гораздо ближе к реке чем сейчас. Приближенные королевы, имевшие там дома, могли легко добраться до дворца по Темзе.

Мастерские и магазины располагались на первых этажах дома. Те здания, что стояли на первой линии улиц расширялись «внутрь», в сторону дворов. На второй линии и далее строились более бедные дома, там часто проживали ремесленники, художники, актеры. Хотя иногда и на боковых улицах строили большие дома с двориками и садами.

Жизнь бедняков, как и везде, была непростой. Специальной поддержки им не оказывали, поэтому в городе большое количество людей просили милостыню. Для бедняков существовал процветающий рынок торговли подержанной одеждой и обувью. А тем, у кого дома не было очага для приготовления еды, многочисленные пекарни и харчевни продавали, как мы бы сейчас выразились, еду «на вынос». Жили бедняки в районах, где в связи с перенаселением застраивали сады и дворы убогим жильем без особенных удобств.

«Так как Лондон разрастался и расширялся, разница между районами города становилась все более очевидной. В то время как всегда существовало социальное и экономическое различие между центром и периферией, начали развиваться иные топографические вариации, которые проявлялись в качестве и типах домов, в людях, которые их населяли. . . Можно выделить три основных контрастирующих друг с другом района Лондона: Чипсайд, Элдгейт и Клеркенуэлл». ³⁴

Если сравнить кожаную обувь, которую носили богатые и бедные жители столицы, то разница сначала в глаза не бросится, но присмотревшись повнимательнее, становится очевидно: обувь для бедных куда удобнее в носке. Богачи имели возможность следовать моде и не обращать внимание на удобство: например, носок туфли мог быть очень узким, что не позволяло в них долго ходить пешком или работать. При наличии денег в Лондоне можно было купить практически все, что угодно. Из разных стран везли шелка, специи, ковры и экзотические апельсины. В поисках лучшей жизни в столицу приезжали сами англичане и иностранцы. Некоторым везло, и они становились богатыми, другие заканчивали свою жизнь на паперти. . .

---

³³ The Institute of Historical Research. People in Place

³⁴ The Institute of Historical Research. People in Place

Беднота времён Шекспира.

Дети бедняков в Лондоне практически вообще не имели возможности ходить в школу – подрастая, они сразу же шли работать. Но это в лучшем случае. В худшем, дети умирали в раннем возрасте. Работать дети порой начинали уже в семь лет: пажами, слугами в домах богачей, или шли в подмастерья, чтобы обучиться какой-нибудь профессии. Тем не менее, очевидно, что у детей все-таки было и время для игр – в куклы, мяч, а зимой ребятишки катались на санках и коньках.

«Лондон был оживленным местом. В Смитфилде (изначально, «гладкое поле») располагался рынок, где торговали лошадьми и где проводили лошадиные скачки. Смитфилд также был местом совершения казни, что всегда привлекало большие толпы людей. Лондонцы любили танцевать на открытом пространстве, вблизи города. Им нравились соревнования по стрельбе из лука, рукопашному бою, потешные бои с использованием деревянных мечей и щитов. Зимой люди катались на коньках на замерзших болотах Мунфилда, надевая коньки, сделанные из костей животных». ³⁵

С 1485 года на английском троне воцарилась династия Тюдоров, и постепенно облик Англии начал меняться. С приходом к власти Елизаветы при дворе окончательно утвердились определенные правила поведения. Английский язык, не имевший ранее широкого распространения, благодаря придворным поэтам (таким как, например, прославившийся по всей Европе Филипп Сидни), стал более популярен в мире. Язык изменился, приблизившись по своему звучанию к современному варианту. Определенную роль в этом процессе сыграл и перевод с латинского на английский Библии. Это же привело к тому, что количество образованных людей в стране значительно выросло: Библию смогли читать не только церковнослужители, но и простые англичане. Кроме Библии, на английский язык переводили все больше и других классических текстов.

Но существовала и другая сторона медали: двор погряз в интригах, выйти победителем из которых помогал теперь, как ни странно, именно талант умело «жонглировать» словами. Слагая с легкостью сонеты в честь королевы, фавориты прокладывали себе путь вверх по политической лестнице. «Вкусы двора в музыке, танцах, поэзии, театральных постановках формировали вкусы всей нации». ³⁶

В Лондоне при Елизавете проживало много купцов и представителей мира искусства из других стран: Франции, Португалии, Италии, Нидерландов, Германии... Есть свидетельства и того, что в Лондоне и в Англии вообще, существовали рабы: черный цвет кожи считался физическим дефектом, а работоторговля прибыльным бизнесом, в который не чуралась вкладывать средства сама королева.

Если подробнее говорить об искусстве, то стоит отметить, что стихотворения в основном распространялись в рукописном виде. Стихи было принято переписывать в специальные тетрадки «для записи любимых стихотворений». В то время не существовало авторского права и свободы слова. Все публикуемые книги должны были быть одобрены членами Тайного Совета. Самыми популярными книгами являлись работы по религиозной тематике. Ценность книги и престиж автора часто оценивались по размеру и формату изданной книги (например, «фолио» – книга в пол-листа, высотой более 30 сантиметров, «кварто» – книга в одну четвертую долю листа, высотой примерно 25-30 сантиметров, «октав» – книга в восьмую долю листа). ³⁷ Заработать на таланте авторы имели возможность, лишь посвятив какому-нибудь знатному лицу свое произведение. В качестве благодарности за хвалебные слова, искусно ска-

---

³⁵ Tim Lambert, London in the Middle Ages

³⁶ Stephen Greenblatt, The Norton Anthology of English Literature

³⁷ После смерти Шекспира его произведения издали в виде «фолио» – то есть в самом престижном варианте, а при жизни – в виде «кварто»

занные при помощи рифмы в его честь, аристократ становился покровителем поэта, предоставляя ему помощь всякого рода, включая материальную.

Знаменитый трактат Филиппа Сидни «Защита поэзии» является одной из самых ярких работ в области литературной критики. Сидни перечисляет основные жанры поэзии, ставшие популярными в годы правления Елизаветы: элегия, баллада, ода, героический, трагический и сатирический стихи, пасторали. Существовали определенные правила оформления стиха, согласно выбранному жанру (тема, манера изложения, стиль, ценностные установки). Именно сонеты Сидни дали толчок развитию этого направления в поэзии. В данном случае автор следовал еще и принятой формальной структуре, соблюдал размер и ритм, указывал повод к написанию сонета. Поэзия не ставила целью добиться реалистичности изложения. Во главу угла ставились возвышенность, утонченность, искусство «разукрасить» текст пышными фразами.

Надо сказать, что замысловатый дизайн и орнамент были характерны не только и не столько для литературы и языковых форм, но и для моды, украшений, садов и мебели. Несмотря на всю внешнюю затейливость, декорирование, как в прямом, так и в переносном смысле, имело упорядоченный вид – «рисунок» имел обыкновение повторяться. Однако, из-за отсутствия устоявшихся правил в языке допускались отклонения и определенная вариативность.

Как и в любом другом крупном городе в Лондоне существовала преступность. Некоторые характеризуют преступный мир 16-17 веков как организованное, многочисленное сообщество профессиональных преступников, орудовавших в столице и представлявших реальную социальную угрозу. Другая сторона имеет прямо противоположное мнение: преступники составляли незначительный процент населения, действовали спонтанно и непрофессионально.

Но в любом случае столица предоставляла для криминального мира неисчислимые возможности, особенно начиная с 16 века, когда Лондон стал без преувеличения европейским центром торговли. Крупные картели, которые начали возить заморские товары, подрывали внутренний рынок, они резко уменьшили значение провинциальных городов, сделав столицу экономическим центром Англии. Впервые Лондон превратился в город, который в отличие от других городов в континентальной Европе, начал специализироваться на недорогих товарах, невысокого качества. В самой столице практически ничего не производилось – готовая продукция, ввозимая из колоний, поступала сначала в Лондон, а затем распределялась по Англии и даже Европе.

Дешевые товары стали доступны среднему и низшему классам общества, что открывало новые возможности для преступных сообществ. Появились «специалисты» по кражам из магазинов, торговавшие краденным в собственных лавках. Кроме того, куда большее количество людей стали носить при себе вещи, имевшие некую ценность на рынке: шелка, дешевые украшения, изделия из металла и хлопка, что в свою очередь провоцировало воровство.

«Одной из главных проблем Лондона елизаветинской эпохи была поножовщина среди представителей высшего общества, постоянные драки на ножах и шпагах. Принимались законы, но полиция, которая бы следила за их исполнением, не существовало. Направляясь в театр или покидая его, была высокая вероятность наткнуться на дерущихся людей. Поэтому для елизаветинской аудитории Ромео и Джульетта – это не история о подростковой любви. Это о том, как поножовщина влияет на жизнь общества, невозможности ее контролировать со стороны власти...»³⁸

Классическая семья, характерная для провинции – три поколения, как в семье Уильяма Шекспира, проживавшие под одной крышей, редко встречалась в столице. Даже полная семья не составляла большей части населения по сравнению с людьми одинокими, живущими вдвоем или в неполной семье.

---

³⁸ Neil MacGregor, Interview

Конец исторической стравки

Описание Лондона того периода, когда туда прибыл Уильям Шекспир, помогает увидеть некоторые детали, которые могут оказаться важными для понимания его поступков. В то время, как и сейчас, многие стремились в столицу. Она была уже тогда перенаселена из-за большого притока мигрантов. Кому-то везло в столице больше, кому-то меньше. Молодому человеку из небольшого Стратфорда с его способностями удалось преуспеть. Причем преуспеть на ниве театрального искусства, которое процветало и пользовалось популярностью среди знати и у самой королевы.

Стал ли Уильям Шекспир счастливее, сказать сложно. Но легко себе представить, насколько неуютно он себя чувствовал в большом городе. Потому и наведывался в родные края повидать родных и близких. Потому не перевозил в Лондон семью и купил, разбогатев, дом в Стратфорде. Потому, наверное, в конце-концов, туда вернулся в последние годы жизни.

Можно загадать множество загадок по поводу отъезда Шекспира в столицу и его жизни там. Но думается, он не обрел покоя и радости в полном смысле этих слов. С другой стороны, он добился того, чего хотел: финансовой состоятельности, возможности содержать семью и помогать родителям.

Куда приехал Шекспир понятно. А где он начал работать? Что представляла собой театральная сцена Лондона? Отчего с такой легкостью приняла в свои объятия никому не известного Шекспира из Стратфорда?

Глава 2. Театральные подмостки

Театр во времена Шекспира был совсем не таким, каким мы его видим сегодня. Это – очевидно, но почему-то вовсе не принимается во внимание адептами анти-шекспировской теории. А разве важно принимать сей факт во внимание, спросит читатель. Понятно, театр был другим, но влияет ли это на авторство того или иного произведения? Посмотрим. Пока просто представим себе театр эпохи Шекспира. Какие декорации на сцене? Декорации театральные...

В шестнадцатом веке ставить спектакли могли либо на улице, под открытым небом, либо в помещении. Выше мы уже говорили о том, что играли актеры на площадях, возле постоянных дворов, внутри самих постоянных дворов, в помещениях школ или в прилегающих дворах. В Лондоне популярным местом являлись Inns of Courts – школы барристеров. В помещениях этих школ студенты давали свои представления, составляя конкуренцию другим, более профессиональным театрам.

При Елизавете статус театральных групп с одной стороны изменился в сторону большей подконтрольности, цензуры со стороны властей. С другой стороны, первые стационарные театры появились именно в то время, дав толчок развитию театрального искусства именно в том виде, какой мы имеем сегодня.

Каждая группа должна была иметь знатного покровителя, поэтому многие коллективы потеряли возможность давать представления официально. Они не могли приезжать в Лондон, нелегально путешествуя по провинции. И даже когда Джеймс Бербейдж построил свой первый театр, он располагался не в Лондоне, а за границами города – таков был закон, согласно которому в самой столице строить театральные здания было запрещено.

Одной из проблем являлась нехватка пьес для постановки. Целую плеяду драматургов представляла группа так называемых «Университетских умов». ³⁹ В данную группу входили авторы, окончившие Оксфорд или Кембридж. Упоминания заслуживают два драматурга, так как они имеют прямое отношение к Уильяму Шекспиру: первый – Кристофер Марло. Он является одним из тех, кому приписывают авторство шекспировских пьес. Второй – Роберт Грин. Это – человек, который впервые официально упомянул в своей критической статье Уильяма Шекспира. Он его вовсе не хвалил, но, тем не менее, считается, что впервые имя Шекспира, как автора пьес, «всплыло» именно в связи с Робертом Грином. Среди прочих «умов» – Джон Лили, упоминавшийся выше в связи с организацией развлекательных мероприятий при дворе королевы.

Представители этой группы стояли у самых истоков елизаветинской театральной эпохи, являвшейся, если можно так выразиться, неотъемлемой частью «золотой» эпохи ее правления. Считается, что драматурги подготовили почву для появления пьес Шекспира и иже с ним – авторов, не имевших университетского образования, зато имевших прекрасное представление о нюансах актерской игры. «Подготовка почвы» состояла, в частности, в процессе своеобразной адаптации классических произведений под нужды современной им публики.

В основном главными героями их пьес являлись знаменитые героические персоны. Под стать героям писались и диалоги: напыщенные, длинные, помпезными, наполненные (а часто и переполненные) высоко эмоциональными фразами. Иногда эти речи казались вычурными и неестественными. В пьесах все реже встречались зарифмованные строки – авторы активно использовали прием «белого» стиха. Получили развитие, так называемые, исторические хроники, которые впоследствии активно писал Уильям Шекспир.

Комедии «Университетские умы» не жаловали. Обычно, они писали трагедии, а проявлявшийся местами юмор казался натянутым, неестественным и неярко выраженным. Един-

---

³⁹ University Wits

ственным представителем группы, писавшим настоящие комедии, был Лили. Однако, все драматурги писали куда живее своих предшественников, свободнее выражая мысли и идеи, не скованные религиозными сюжетами, моралью и установками. Пьесы стали больше ориентированы на коммерческий успех среди публики.

Одновременно с ростом популярности театральные труппы подвергались гонениям со стороны пуританского населения, выступавшего за строгость нравов. Даже если труппа имела лицензию и влиятельного, знатного покровителя, местные власти изыскивали возможности запретить выступления. То есть, с одной стороны, в Англии процветали искусства, религиозные темы в литературе, театре сменились на более светские, ставившие основной целью развлечение публики. С другой стороны, пуританские идеи, последователей которых насчитывалось в стране немалое количество, прилагали усилия к недопущению подобного рода представлений.

Зарабатывали актеры больше драматургов. Некоторым регулярно давали деньги покровители, за представления платила публика или городские власти. Если труппу приглашали дать представления при дворе, то актерам также выплачивались дополнительные суммы денег. Как и Шекспир, многие актеры имели долю от доходов труппы. Конечно, они делили и риски, но дело представлялось выгодным. Постоянный состав труппы был немногочисленным – для второстепенных ролей и иных работ нанимался временный персонал. О репертуаре мы уже упоминали: в Лондоне было принято вывешивать новую афишу чуть не ежедневно!

С приходом в театр Шекспира изменилось многое. Но это произошло не только и не столько благодаря тому, что Уильям Шекспир начал писать для театра, в котором служил актером и имел долю от доходов. Старая плеяда драматургов уходила со сцены. «Университетские Умы» теряли своих лучших представителей: критик Шекспира Грин умер в 1592 году, Марло убили в 1593 году. Примерно в те же годы перестает писать Джон Лили. На смену им приходят актеры, которые начинают писать пьесы для театра. Эти пьесы лучше приспособлены к нуждам актеров и требованиям публики – монологи становятся короче и менее напыщенными, их легче произносить; драматург выделяет время для того, чтобы актер успел сменить костюм или просто имел возможность уйти на время со сцены; учитываются даже индивидуальные особенности актеров-коллег по труппе. Герои становятся ближе и понятнее для зрителя (например, в комедиях часто делаются аллюзии к реально происходившим в жизни событиям).

***

Театры, имевшие собственные помещения, были двух типов: открытые и закрытые. Открытые или публичные театры вмещали больше зрителей (примерно до трех тысяч человек). Они бывали круглыми, прямоугольными или восьмиугольными. Сцену с трех сторон окружал стоячий партер – там располагались невзыскательные, небогатые и незнатные зрители. Партер окружало три яруса «галерей» – аналог современных балконов или лож. С четвертой стороны позади сцены располагались артистические уборные.

Сцена обычно возвышалась над партером. Над ней, поддерживаемая специальными опорами, иногда находилась крыша. Балконы и ложи также были крытыми. В полу располагались люки, из которых подавался дым, огонь и прочие эффекты. Над уборными находилось помещение для оборудования и различных механизмов. Над этим помещением поднимали флаг в день проведения спектакля. В связи с отсутствием крыши и использованием естественного освещения открытые театры давали представления в теплые месяцы, в хорошую погоду, днем.

Уже упоминалось, что в 1576 году Джеймс Бербейдж построил открытый театр на северо-востоке Лондона, в Шордиче. Назвали его незамысловато – «Театр» (the Theatre). Он располагался прямо за чертой города, и не подчинялся городским властям. Сцена в театре была закрыта крышей. В нем имелось три яруса балконов. С 1594 года на сцене играли актеры труппы лорда

Камергера. В 1597 году, когда истек срок аренды земельного участка, на котором стоял театр, его разобрали, чтобы в 1599 году выстроить заново и открыть знаменитый «Глобус» Шекспира.

Еще один открытый театр – «Занавес» (the Curtain) – возвели в 1577 году к югу от театра Бербейджа. По своему устройству «Занавес» походил на «Театр». В начале семнадцатого века в нем еще шли представления различных трупп. Западнее в 1600 Филипп Хенслоу построил театр «Фортуна» (the Fortune). Он должен был составить конкуренцию «Глобусу». Горел театр «Глобус» в 1621 году, но был восстановлен. Окончательно его демонтировали в 1661 году.

Известным также являлся первый театр Филиппа Хенслоу, построенный в 1587 году на юге, на другом берегу Темзы. Он назывался «Роза» (the Rose), и некоторые считают, что именно в этом театре начинал карьеру Уильям Шекспир, прибыв в Лондон. «Роза» представлял из себя открытый театр с тремя рядами лож. В 1592 году Хенслоу увеличил его размер и закрыл крышей сцену. К 1602 году «Розу» демонтировали. «Роза» также знаменита и тем, что для ее спектаклей писал пьесы знаменитый Бен Джонсон – в документах, отражавших выплаты работникам, записаны причитавшиеся ему суммы.

Рядом с «Розой» в 1595 году выстроили театр «Лебедь» (the Swan), ставший конкурентом предприятию Хенслоу. В «Лебеди» над сценой сразу соорудили крышу. Он стал самым вместительным театром в Лондоне, но был закрыт уже в 1597 году правительственным указом и, судя по всему, после в качестве театра сооружение не использовалось.

«Глобус» возвели в 1599 году, как говорят, из досок разобранного к тому моменту «Театра». Якобы, воспользовавшись отсутствием хозяина, строительный материал перевезли к месту строительства «Глобуса»... Его построили возле «Розы» – то есть все известные открытые театры располагались в одном районе, Бэнксайд, возле берегов Темзы. Сцена была закрыта соломенной крышей, в «Глобусе» имелось три ряда лож. Владельцами «Глобуса» являлась группа актеров. Впервые театр горел в 1613 году во время представления шекспировского «Генриха VIII». На том же месте после пожара выстроили второй «Глобус», но крышу предусмотрительно покрыли черепицей. К театру вела аллея. Частью здания было помещение одноименной таверны. Эмблемой «Глобуса» с самого начала стала фигура Атланта, поддерживающая земной шар, под которой была начертана знаменитая фраза «Весь мир – театр». Эти слова приписываются Шекспиру, но похожая цитата обнаруживается еще в сочинении римского автора Гая Петрония:

– И если не актеры, а весь мир

Играет пьесу, где мы зрителей найдем?

– Несложно! Все вокруг актеры, да и зрители при том!

Район Бэнксайд, в котором построили часть открытых театров («Роза», «Лебедь», «Глобус»), находится на южном берегу Темзы, недалеко от Лондонского моста, напротив Блэкфрай-арс. Впервые в документах название появилось в 1554 году. Оно означало «улица, тянущаяся вдоль реки». Так как очень долгое время Лондонский мост являлся единственной постоянной переправой с одного берега Темзы на другой, то большое количество людей проходило мимо Бэнксайда, направляясь к мосту. Во времена правления Елизаветы там появились не только театры, но и арены для травли медведей, куда любила приводить своих заморских гостей королева Елизавета. Такие арены назывались «медвежьими садами». Одним из самых популярных мест для травли служил Paris Garden, расположенный в непосредственной близости от театров, в Бэнксайде. «Одно из различий между обществом времен Тюрсов и современным обществом состоит в том, что тогда представители всех классов также любили наблюдать за травлей медведей, как и ходить в театры, также ходить на торжественные церемонии, проводимые при дворе, как и наблюдать за публичной смертной казнью». ⁴⁰

⁴⁰ Philip Howard, London's River

Травлю медведей, кстати, действительно, ставили в один ряд с театрами. Огромные собаки мастиффы набрасывались на медведя, чьи зубы предварительно спиливались. Медведя приковывали цепью к столбу в центре арены. Порой одновременно выпускали несколько собак, которые пытались повалить медведя на землю. Зрелище было кровавым и жестоким: во время травли часто погибали собаки, и одному медведю приходилось выдерживать по несколько боев. Однако, зрители подобные развлечения обожали. Кроме травли медведей также существовала травля быков, организованная по похожему принципу – с участием собак, и петушиные бои.

«Травля медведей». Картина Генри Томаса Алкина, 1822 год.

Арены для травли медведей обычно были круглой формы и походили на древние римские амфитеатры. Возле арен располагались псарни и пруды, в которых проводили свободное время медведи, наслаждаясь жизнью в свободное от «спектаклей» время. Крыши обычно над аренами не возводились.

Брат королевы Елизаветы, Эдуард VI, основал в том же районе ежегодную ярмарку, существовавшую до 1763 года. Она также привлекала внимание горожан и гостей города. В связи с таким скоплением порой весьма сомнительных развлекательных заведений в районе процветали публичные дома, которые не раз пытались закрыть. Генрих VIII издавал подобный указ в 1546 году, но его сын указ отменил несколько лет спустя. Обе королевы, Мария и Елизавета, в одинаковой степени, несмотря на различное вероисповедание, стремились избавиться от публичных домов. Однако, последняя обожала смотреть на травлю медведей, быков и петушиные бои.

Театр «Глобус» располагался в непосредственной близости от «медвежьих садов». Он в принципе был обращен к более низким классам населения чем, например, закрытый театр Блэкфрайарс. Представления там давались куда чаще, и, можно предположить, что зрители, посмотрев на травлю быков, после шли на спектакль «Глобуса». Тем не менее, травля медведей порой составляла конкуренцию театральным представлениям. В 1591 году Тайным Советом был даже издан указ о запрещении проведения спектаклей по четвергам, так как в этот день издавна было принято устраивать травлю медведей. И даже упоминалось, что спектакли отвлекают народ от развлечений, подобных «медвежьим».

Все театры были похожи по своей архитектуре: открытые здания, с крышей или без оной над сценой. Неподалеку располагались величественные дворцы епископов Винчестерского и

Рочестерского. А кроме этого – таверны, арены для проведения травли животных, зеленые поля, да редкие кусты и деревья. Нельзя сказать, что Бэнксайд пользовался совсем дурной славой, но из-за наличия сомнительных развлечений типа медвежьей травли и публичных домов, иностранцы часто проводили ассоциации между этими развлекательными учреждениями.

Англичане во время представлений курили табак, ели яблоки, груши, орехи, а также пили пиво и вино. Елизавета, любившая подобные развлечения, обычно добиралась из дворца до Бэнксайд по реке. «Шекспировская аудитория добиралась до Саутварка либо на лодке по реке, либо через Лондонский мост... Нам известно, благодаря раскопкам, что во время представлений зрители ели устриц и улиток, извлекая их из ракушек. Богатые ели более изысканные кушанья. Часто они приносили с собой собственную еду, даже собственные бокалы, потому что периодически находили осколки дорогого стекла... и редкие в ту пору вилки». ⁴¹

Известно также, что доходы от развлекательных представлений были довольно-таки высоки. И несмотря на недовольство лондонских пуритан, жизнь в Бэнксайде продолжала бить ключом. Даже в воскресенье, день, когда было официально запрещено давать представления, держатели заведений нарушали закон и зазывали к себе толпы народа. Запретили травлю животных лишь в 1835 году. В итоге это развлечение просуществовало не менее семи веков, занимая почетное место в ряду увеселительных мероприятий англичан.

Актеры, включая самого Шекспира, любили хаживать в таверну «Фалькон», которая находилась там же, возле театров. Но «До середины семнадцатого века, а возможно и позже, кроме нескольких домов, простиравшихся на запад вдоль реки, и разнообразных мест для увеселений, большая часть земли вокруг казалась заброшенной и пустынной». ⁴²

Закрытые или частные театры целиком находились под крышей, но вмещали гораздо меньше зрителей. Их строили прямоугольными, сцена располагалась по более короткой стороне. Закрытые театры по своему устройству были похожи на открытые. Но публика в партере сидела, а не стояла, а соответственно, билеты в партер стоили дороже. Ложи располагались по периметру трех не занимаемых сценой стен. Закрытые театры освещались свечами и факелами.

Одним из первых закрытых театров был Blackfriars, располагавшийся на территории бывшего монастыря. Впервые это название появилось в 1317 году. Оно состоит из двух слов – «черный» и «братья» (последнее заимствовано из французского языка). Район Блэкфрайарс расположен в самом центре Лондона, неподалеку от Собора Святого Павла. В свое время там проводили заседания Парламента и Тайного Совета. Там же слушали дело о разводе Генриха VIII и Катерины Арагонской. В 1538 году после соответствующего указа монастырь закрыли. Помещения Блэкфрайарс начали сдавать, и вот тут-то, в 1576 году, на этом месте открыли театр. Шекспировский театр «Глобус» построили прямо напротив, через реку. Театр Блэкфрайарс закрывался примерно в 1584 году, и снова был открыт в 1596 году Джеймсом Бербейджем. Блэкфрайарс после переходил из рук в руки пару раз. Однако, в 1608 году им начала управлять группа актеров под руководством Ричарда Бербейджа. С начала 1610 года королевская труппа давала там представления зимой, а летом они играли в помещении «Глобуса».

Как правило, на сцене находилось две или три двери. Две служили для входа и выхода актеров. Третья дверь располагалась посередине сцены для торжественных появлений на публику. Декорации представляли собой расписанные ткани или занавеси. Для некоторых пьес приобретались кровати, троны некоторая другая мебелировка. Но таких декораций, какие возводят в современных театрах, в то время не существовало. На заднем плане размещали панель, на которой писали: «Действие происходит в доме» или «Действие происходит в саду».

– Додумайте историю сами! – могло бы быть лозунгом тех дней, обращенным к зрителю.

⁴¹ Neil MacGregor, Interview

⁴² Edward Walford, Old and New London

Просто представьте себе сценку, где происходит ссора между двумя мужчинами. Один из них призывает второго:

– Так что же? Вы придете в другую часть города, чтобы биться на дуэли, сэр?

– Конечно! – отвечает второй.

Оба передвигаются всего лишь на несколько шагов в сторону по сцене, и первый продолжает диалог:

– И вот теперь, мы находимся в другой части города. Что скажете, сэр?

***

Театры посещали, как мужчины, так и женщины, как простые горожане, так и знать. Представления обычно начинались в три часа дня. В связи с тем, что вход в закрытые театры стоил примерно в шесть раз дороже, чем в открытые, их посещала знать и более богатые люди. На первый взгляд, кажется, что театрам благоволит сильная мира сего. Но это не совсем так. При Тюдорах профессии актеров и драматургов не были в почете. Пьесы считались вредными для неокрепших умов молодых людей. Именно в связи с этим спектакли запрещалось ставить в самом городе. Известен случай, когда королева Мария (предшественница Елизаветы) остановила представление, которое должны были разыграть в таверне «Голова Кабана». Во времена Елизаветы стало ясно – лучше театры не запрещать, а установить над ними контроль.

При дворе появилась специальная должность – человека, который следил за тем, какие пьесы ставят театры, какие декорации и костюмы используют в постановках. А так как высшей целью театральных трупп являлась возможность сыграть спектакль при дворе, актеры стремились понравиться «церемониймейстеру». Возможность играть при дворе открывала путь в Лондон, возможность, без которой актеры были обречены на нищенское существование. Перед церемониймейстером обычно выступали три труппы, из которых он выбирал одну для очередного выступления перед знатью и самой королевой. Он мог заставить вычеркнуть из пьесы некоторые фразы, а то и целые сцены. Однако, выступление перед королевским двором имело массу плюсов: костюмы шились теми же белошвейками, что шили наряды для знати, и для них использовались лучшие ткани. Декорации также разительно отличались от тех, что использовали труппы в своих обычных представлениях. Конечно, церемониймейстерам давали взятки. «К 1603 году стало обычной практикой для церемониймейстера зарабатывать в десять раз больше зарплаты с помощью взяток». ⁴³ Только в 1642 году, когда пуританское правительство закроет все театры, эта должность потеряет значение.

Пуритане отстаивали свои жесткие позиции и до 1642 года. В некоторых городах они умудрялись не позволять даже пользующимся королевской милостью, труппам ставить спектакли. И когда в 1575 году мэр Лондона издал очередной указ, запрещающий представления в пределах столичной юрисдикции, именно Джеймс Бербейдж сообразил построить первый театр в непосредственной близости от Лондона, а не в самом городе.

Джеймс по профессии был плотником. Первый театр он возводил из бревен. «Два обстоятельства поспособствовали его идее: отец его жены был состоятельным человеком, владельцем нескольких зданий в Шордитче, а во-вторых, в год, предшествующий возведению «Театра», королева даровала своему фавориту графу Лейстеру право собрать труппу актеров и выдала им королевскую лицензию». ⁴⁴ Джеймсу помог тесть – благодаря его деньгам он смог взять в аренду землю в Шордитче и построить там театр. На представления приходили толпы людей, и вскоре театр стал известен в Лондоне. Несмотря на угрозы со стороны конкурентов, Джеймс

---

⁴³ Amanda Mabillard, Shakespeare's Boss

⁴⁴ Edward Walford. Old and New London

возвел еще один театр «Занавес». Скорее всего, при помощи графа Лейстера, Джеймс продолжил эксперименты и стал основателем театра в Блэкфрайарс.

Часто говорится о том, что Уильям Шекспир первое время после прибытия в Лондон, ассоциировался с классом людей низкого происхождения и в театре выполнял работы не очень высокого уровня. Тем не менее, надо отметить: в основном фамилия Шекспира ассоциируется с одной и той же группой актеров, игравших на сцене «Глобуса» (труппа Бербейджа) и на сцене закрытого «Блэкфрайарс». На самом деле, Джеймс Бербейдж, чьи незаурядные способности строителя и менеджера, позволили ему и его сыну внести свои имена в историю английского театра наравне с гением Уильяма Шекспира, сумел превратить лицедейство в уважаемую профессию. «Шекспир обнаружил все эти театры уже существующими, когда прибыл в Лондон из Стратфорда... и вполне возможно, что если бы не Джеймс Бербейдж, он бы никогда не приехал в столицу, никогда бы не написал «Гамлета» и «Макбет», ибо не имел бы сцены, на которой бы мог ставить эти спектакли».⁴⁵

И правда, Уильям Шекспир практически сразу после приезда начал работать на сцене Блэкфрайарс и до конца своих дней был ближайшим другом Ричарда Бербейджа (сына Джеймса), сыгравшего все заглавные роли в его пьесах. Джеймс Бербейдж умер приблизительно в 1597 году – он не дожил до того момента, когда истек срок аренды той земли, на которой он построил «Театр». Но его сыновья, а также актеры труппы, уже включавшей в себя Шекспира, разобрали «Театр» по досочке и переправили весь строительный материал, из которого был построен «Театр» на другую сторону Темзы, в Бэнксайд, чтобы построить там «Глобус». Все члены семьи Бербейдж жили и были похоронены в Шордитче.

Реконструкция театра «Глобус»

***

Уильям Шекспир прибыл в Лондон в удачное время – время расцвета театров, время, когда в новых пьесах нуждались как никогда ранее. Время Джеймса и Ричарда Бербейджей,

⁴⁵ Там же

время, когда публика требовала разнообразных развлечений. Время, когда профессия актера стала значимой, и очень неплохо оплачивалась. Время, когда театральные труппы привечал королевский двор. Короче говоря, вовремя приехал Уильям в Лондон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.